Новое
в жизни,
науке,
технике

ЗНАНИЕ

Подписная
научно-
популярная
серия
11'90

ПРАВО В НАШЕЙ ЖИЗНИ

А. М. Яковлев

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ЗАКОН И ЖИЗНЬ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ПРАВО В НАШЕЙ ЖИЗНИ

11/1990

Издается ежемесячно с 1967 г.

А. М. Яковлев

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ЗАКОН И ЖИЗНЬ

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 67.99(2)1
Я 46

Автор: ЯКОВЛЕВ А. М. — доктор юридических наук, профессор, зав. сектором ИГП АН СССР. Специалист в области уголовного права, социологии преступности. Лауреат Государственной премии СССР. Народный депутат СССР, член Комитета по законодательству Верховного Совета СССР.

Редактор: ЖУРАВЛЕВА В. С.

Яковлев А. М.

Я 46 Экономическая преступность: закон и жизнь. — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Право в нашей жизни»; № 11).
ISBN 5-07-001533-8

15 к.

В брошюре рассматриваются социально-правовые вопросы, связанные с совершением преступления в сфере экономики, дается сравнительный анализ развития законодательства, показывается, какую роль играет закон в перестройке экономических отношений.

Рассчитана на массового читателя

1202000000 **ББК 67.99(2)1**

ISBN 5-07-001533-8

В последнее время много говорят и пишут о преступлениях в сфере экономики, о так называемой теневой экономике. В этой связи полезно поставить вопрос: чьей, собственно говоря, тенью является «теневая» экономика, чья это тень, от кого она падает? Как эта экономика возникла и существует? Ответ несложен. Теневая экономика является как бы тенью экономики официальной, легальной. Она паразитирует на недостатках и трудностях официальной экономики. И чтобы это понять, необходимо рассмотреть экономическую преступность с учетом некоторых характерных черт данной экономики, которую по справедливости называют командно-административной.

Понятие экономической преступности охватывает те случаи умышленного причинения ущерба государственному или общественному имуществу, экономическим интересам народного хозяйства и отдельных граждан, при которых одни участники теневой экономики занимают определенные места в системе экономических отношений, а другие злоупотребляют служебным положением.

К числу экономических (наряду с хищениями) относятся и такие преступления в сфере народного хозяйства, как выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, приписки и иные искажения отчетности о выполнении планов и ряд других правонарушений. К категории экономических могут быть отнесены и должностные преступления (некоторые виды злоупотребления властью или служебным положением, взяточничество и т. д.), если они совершаются в связи или по поводу функционирования экономики. Известно, что они наносят немалый ущерб нашему обществу.

Наиболее опасное и распространенное преступление в сфере экономики — **хищение государственного и общественного имущества.**

В брошюре мы рассмотрим лишь некоторые вопросы связанные с преступлениями в сфере производства и торговли.

МЕТАСТАЗЫ БОЛЕЗНИ

Присвоение, растрата государственных или общественных средств либо хищение, связанное со злоупотреблением служебным положением, — одна из типичных форм хищения социалистического имущества (например, хищения строительных материалов или денежных сумм, выплачиваемых рабочим, соединяемое с приписками несуществующих работ; хищения при заготовках сельскохозяйственных продуктов путем создания излишков, которые реализуются с помощью подложных закупочных документов; хищения в торговле путем получения излишков за счет необоснованного списания на порчу товаров, их пересортицы, искусственного перевода товаров из высших сортов в низшие, обмана покупателей и т. д.).

Хищения денежных средств могут осуществляться путем выписки торговыми предприятиями бестоварных счетов, оплачиваемых организациями-покупателями по безналичному расчету с последующим фиктивным оприходованием якобы закупленных товаров и списанием их в расход.

Резервы для хищений создаются за счет различного рода экономии, фактического пересмотра устаревших или несовершенных норм расходования сырья на изготовление определенной продукции, нарушения технологии производства, накопления неоприходованных излишков, противозаконных списаний «брака» и т. д. Известно также, что торговые работники, которые получают товары с промышленных предприятий или баз по заниженным или оптовым ценам, перепродают их по действительной стоимости или розничной цене, а полученную разницу присваивают себе.

Одним из недостатков хозяйственного механизма является отсутствие тесной связи оптовых цен с розничными, что создает объективные возможности для махинаций. Например, хищением социалистической собственности считаются действия членов колхоза и других лиц, реализующих на рынке колхозную продукцию, если они продали эту продукцию по одним ценам, а отчитались перед колхозом по другим, более низким, присвоив себе разницу.

В приведенных примерах преступник присваивает себе то что принадлежит собственнику — государству (или об-

щественным организациям — колхозу, кооперативу, индивидуальному собственнику).

Законом СССР «О собственности в СССР» предусмотрены разнообразные формы собственности. В их числе — собственность граждан СССР, коллективная собственность, государственная собственность, а также собственность совместных предприятий, иностранных граждан, организаций и государств.

В п. 2 ст. 1 этого Закона определено, что «собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом». Следовательно, **владение** (как часть права собственности) есть фактическое обладание вещью, создающее для собственника возможность непосредственного воздействия на вещь. **Пользование** заключается в праве потребления вещи в зависимости от ее назначения (эксплуатация имущества, получение доходов, приносимых им, и т. д.). **Распоряжение** — это право собственника включать имущество в экономический оборот путем совершения таких распорядительных действий, как купля-продажа, поставка, дарение, мена, имущественный наем (аренда и т. д.

Представим себе простой случай: некто, идя по улице нашел на тротуаре потерянный кем-то бумажник с деньгами или иную ценную вещь. Подняв находку и положив ее себе в карман, стал ли он собственником этой вещи? Конеч но, нет. И, если найденное не было сдано в бюро находок, собственник, узнав, что некто завладел его вещью. на законном основании потребует ее возвращения. Итак, некто не собственник. Однако он фактически обладает этой вещью и может не вернуть ее собственнику.

Часто владение без права собственности является не только вполне законным, но и неизбежным. Законным вла дельцем может быть не собственник вещи, а, например, арен датор, перевозчик, хранитель имущества. Государственные организации могут быть либо собственниками имущества либо иметь право «полного хозяйственного ведения» (ст 10 Закона СССР «О предприятиях в СССР»). Граждане, живу щие в домах, принадлежащих государству, пользуются на законном основании. соответствующей частью государственной собственности. Отметим, что в большинстве случаев существует разделение функций собственника и владельца

Естественно, для собственника (например, государства или общественной организации) совсем не безразлично, как именно осуществляется пользование и распоряжение его собственностью. Именно при пользовании может быть причинен существенный ущерб либо преступно использовано имущество (его повреждение или хищение).

В настоящее время в законодательстве предусмотрены лишь отдельные ситуации, в которых собственником выступает государство, а пользователями — граждане. Например, договор имущественного найма, который именуется иногда прокатом (бытовым прокатом и др.), арендой или договор жилищного найма. В этих случаях и существует признаваемое законом разделение функций собственника и пользователя (владельца). Но есть еще и фактическое разделение этих функций. К примеру, когда товарная продукция, являющаяся государственной (или общественной) собственностью, поступает либо на определенное время, либо в постоянное пользование и распоряжение соответствующих должностных лиц, рабочих и служащих. Речь идет о работниках заготовительных организаций, торговых предприятий, предприятий общественного питания и т. п.

В большинстве случаев хищений имущества расхитители являлись его пользователями. Для предупреждения хищений и сохранения государственного имущества в системе торговли между работником и предприятием заключается договор о материальной ответственности [1]. В указанном договоре конкретизируются обязанности администрации и работника по сохранности вверенного им имущества предприятия. Договор устанавливает полную индивидуальную материальную ответственность работника, если он не обеспечивает сохранность этого имущества. С рабочими и служащими может быть заключен договор о коллективной (бригадной) материальной ответственности. По такому договору материальные ценности заранее вручаются определенной группе работников (бригаде), которая отвечает за ущерб, возникший в результате необеспечения сохранения товарно-материальных ценностей. Как установлено законом (ст. 121[1] КЗоТ РСФСР), письменные договоры о полной материальной от-

---

[1] См. подробнее соответствующие статьи КЗоТ РСФСР на с. 45 настоящей брошюры.

ветственности могут быть заключены предприятием с работниками, «занимающими должности или выполняющими работы, непосредственно связанные с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей». Когда невозможно разграничить материальную ответственность каждого работника и заключить с ним договор о полной индивидуальной материальной ответственности, размер ущерба, причиненного по вине нескольких работников, определяется для каждого из них с учетом степени вины, вида и предела материальной ответственности.

В законодательстве о материальной ответственности находит признание то обстоятельство, что передача имущества лицам, хранящим, обрабатывающим, продающим или применяющим его в процессе производства, ставит их в положение фактических владельцев вверенных им материальных ценностей. Статус владельца влечет, конечно, обязанность нести ответственность перед собственником за данное имущество, что и реализуется в договоре о материальной ответственности. По общему правилу трудового законодательства размер ущерба, причиненного предприятию, определяется по фактическим потерям «за вычетом износа по установленным нормам».

Следует сказать и о том, что в договоре не предусмотрены условия, при которых фактический владелец так использует вверенное ему имущество, что это приносит пользу, выгоду собственнику. Например, особая забота, тщательность в сбережении товаров позволили избежать или снизить уровень износа, естественной убыли, т. е. того процента потерь, которые в среднем неизбежны и заранее оговорены Целесообразно установить в договоре форму поощрения для такого владельца.

Для собственника, конечно, не безразлично, как используется его имущество (государство заинтересовано в бережном, заботливом обращении с его имуществом, в предохранении товаров от повреждений, в уменьшении убытков и потерь). Между тем гражданско-правовой институт пользования в принципе предусматривает, что законный пользователь, употребляя вещь в соответствии с ее назначением и принося при этом пользу, имеет право и на положительные результаты такой деятельности. В настоящее время этот ас-

пект регулирования поведения фактического владельца («принесешь пользу — получишь выгоду для себя») присутствует в договоре имущественного найма, иногда именуемого арендой. Сейчас меняются отношения между гражданами и государством. Рабочие могут брать в аренду предприятия, на которых они трудятся.

При этом чем шире предоставлена реальная возможность законного материального поощрения фактических владельцев в надлежащем сохранении вверенного им государственного или общественного имущества, тем меньше оснований к его расточению и расхищению. Если человек, владея имуществом, использует его так, как ему в настоящее время выгодно, то необходимо, чтобы его выгода совпала с государственной. Это может быть достигнуто путем расширения сферы договорных отношений между собственником (государством или общественной организацией) и фактическими владельцами отдельных объектов.

Конечно, и при данных условиях можно похитить вверенное имущество. Однако реальная возможность получить законную выгоду от сбережения или приумножения имущества суживает поле преступной мотивации (появления мотивов), подключает реальный положительный экономический стимул, противостоящий преступной корысти. Речь идет о расширении сферы договорного регулирования в ситуации, когда фактически неизбежным является разделение функции пользования и распоряжения.

Хищения часто совершаются путем фиктивного списания первосортных овощей и фруктов под предлогом естественной убыли. Нормы подобного списания давно устарели, но и их пересмотр, и большая детализация не решат проблемы кардинально: невозможно в принципе учесть в инструкции или приказе все многообразие ситуаций, воздействий, причиняющих ущерб товарам. К тому же недовес на 5 граммов считается «в пределах допустимой ошибки». Похищаются и излишки, укладывающиеся в норму естественной убыли. Иными словами — возможно создание резервов для хищения «в рамках закона». Тем не менее какого-либо законного материального вознаграждения за экономию продуктов ниже предела нормы не существует. Рачительное, хозяйское отношение к вверенному имуществу до последнего времени никак не сказывалось на материальном положе-

нии работников. Правда, сегодня многое меняется, пересматривается в сфере торговли.

В этих условиях «резервы» подобного рода не только похищаются, но и используются для дополнительной оплаты услуг водителей, экспедиторов, для подкупа заведующих базами, ревизоров и даже для дачи взяток сотрудникам министерства, корректировавшим планы заготовок овощей и фруктов в сторону их занижения (еще один резерв для хищений). За взятки доставляются в магазин вне очереди дефицитные товары. Так преступным, противозаконным способом «коммерциализуется» система служебных отношений. Однажды образовавшись, преступная структура воспроизводится заново даже в случае «выбытия» кого-либо из ее участников. По форме товары поступают, например, из базы в магазин по разнарядке в соответствии с планом, т. е. бесплатно. По сути, их частично оплачивают в форме взяток, дележа похищенного.

Само по себе наказание виновных мало что решает в этом деле, так как не меняется экономический механизм взаимоотношений. Печальный опыт прошлых лет может повторяться. Верно рассуждал директор одного из московских продовольственных магазинов о том, что в результате усиления борьбы с нетрудовыми доходами в форме хищений в торговле были изолированы лица, создавшие разветвленную, изощренную систему воровства, взяток, поборов и т. д. Но разрушена ли до основания сама система, созданная ими? И организована ли новая, очищенная, предохраняющая от повторения преступлений? Резонно он ставил вопрос.

Усовершенствование хозяйственного механизма в сферах экономики, где продукция, товары поступают в пользование к тем, кто собственником не является, предполагает прежде всего осознание и признание этой реальности. Но если такая ситуация неизбежна, материальные ценности, их состояние и характер распоряжения ими зависят главным образом от фактических действий лица, которому они доверены, то необходимо отрегулировать правовой статус этого лица в отношении надлежащей сохранности вверенных ему материальных ценностей таким образом, **чтобы работник был заинтересован в честном труде.** А пока в существующей ситуации хищение и дача взяток выступают в качестве средства, побуждающего должностных лиц на различных уров-

ниях системы торговли выполнять свои функции (шофера, грузчика, экспедитора — доставлять товары, служащего министерства — планировать и распределять товары и т. д.). Это становится возможным в условиях, когда уровень заработной платы указанных лиц никак не зависит от конечных результатов их работы. Названные же преступные «стимулы» прямо и непосредственно зависят от того, что ими практически, реально делается.

Следовательно, необходимо все организовать так, чтобы законное вознаграждение за работу реально действовало на результат труда каждого работника. На смену преступного «стимулирования» должно прийти законное, соответствующее проделанной работе. Конечно, и в этих условиях найдутся любители легкой наживы. Но если мы ставим цель — устранить причины, порождающие воровство и взяточничество, — то, вытесняя преступные «стимулы», потенциально лишаем данных любителей почвы для указанных преступлений. Давно пора подумать, полагает тот же директор московского продовольственного магазина, о расширении прав директора, значительном сокращении контролирующих и проверяющих инстанций, четком определении их функций и прав, создании основы для большей заинтересованности всего коллектива, а тогда уже — и о коллективной ответственности. Ясно также, что аренда, создание семейных предприятий, групповой, общей собственности ведут к тому, что сам собственник пользуется своим имуществом, а у самого себя — не крадут.

В принципе возможны два варианта взаимодействия производителя и потребителя. **Первый вариант:** производитель отделен от потребителя теми, кто не производит, но кто стоит между производителем и потребителем и выполняет лишь функцию распределения, т. е. он получает то, что произведено, и передает произведенное для продажи. **Второй вариант:** производитель прямо и непосредственно связывается с потребителем для реализации своей продукции.

Принципиально важен, конечно, и сам характер взаимодействия между сторонами. Существенным недостатком первого варианта, имеющим к тому же криминальное значение, является доминирующее положение «распределителя» над «производителем» и «потребителем». А производство должно быть неразрывно связано с потреблением. Именно в процессе потребления достигается цель производства. То, что не

потребляется (и не имеет шансов быть потребленным), строго говоря, не может быть оценено как конечный результат производства, скорее это расточение, затрата впустую сил, энергии и ресурсов. Расточение — антипод производства. В свою очередь, потребление есть наиболее реальное, объективное воплощение уровня и качества производства, его главный показатель, а следовательно, и стимул.

Стимулирующая роль потребления тем скорее воздействует на производство, чем более прямыми и непосредственными являются взаимные связи между ними: производитель изготовляет то, что нужно торговой сети, а количество и качество реально проданного и потребленного товара (полученная прибыль) стимулируют и регулируют последующие циклы производства. Однако если производитель и потребитель в этом смысле взаимозависимы, то стоящий между ними распределитель не зависит ни от одного, ни от другого, к тому же он держит в своих руках в значительной степени судьбу того и другого (планирование производства, распоряжение произведенной продукцией, ее распределение в торговую сеть и т. д.). Здесь отношения между производителем и потребителем меняются: уже не характер потребления влияет на содержание производства, а решения распределяющей структуры, которая сама по себе не зависит от уровня производства и потребления.

Именно в этих условиях и возникает возможность повлиять взяткой на морально неустойчивых должностных лиц данной структуры, чтобы установить «привилегированную систему распределения» (это и понятно: ведь подкупать производителя бессмысленно, ему просто оплачивают произведенную продукцию). «Метастазы болезни проникли во все области, связанные с торговлей. Все мы зависим от поставщиков. Казалось бы, они так же, как и мы, заинтересованы в выполнении плана. Но выполнять его не спешат. Заказ-то наш примут. Но если мы не подкрепим его чем-то весомым, а попросту говоря, в той или иной форме не дадим взятку, то можем остаться без продуктов» — так свидетельствовал директор московского продовольственного магазина.

Конечно же, установление прямой связи производитель—потребитель предполагает и соответствующий характер самой этой связи. На смену административному регулированию сверху должны прийти хозрасчетные отношения между

равноправными сторонами. Магазин (или база), переведенный на полный хозрасчет, не будет «даром» получать продукцию от производителя, а станет оплачивать ее из собственных средств. В свою очередь, и производитель не отпускает «даром» свою продукцию торговому предприятию, а продает ее. **Если к тому же заработок и работающих на производстве, и работников торговли прямо будет зависеть от полученной выручки, прибыли, то в результате материальная заинтересованность и реальное экономическое стимулирование выйдут на свет из нелегального подполья, потеряют облик взятки и подкупа, станут законным элементом хозяйственного механизма.**

Переход к непосредственному взаимодействию производителя с потребителем сокращает количество распределяющих инстанций (и соответствующих должностей), а признание права собственности за коллективом повышает роль законных стимулов хорошей работы, рачительного, заботливого отношения к этой собственности. В данных условиях возрастает и эффективность уголовного наказания тех, кто такими стимулами все же пренебрегает.

Приведенная здесь ситуация существует, конечно, не сама по себе, а в рамках более широкого социально-экономического контекста. В своем непосредственном выражении преступность в сфере экономики выступает как результат сохраняющегося еще директивного планирования и слабого развития товарно-денежных отношений. Эффективный процесс организации общественного производства, установление рациональных экономических связей в народном хозяйстве, а также распределение продуктов по труду невозможно осуществлять без использования товарно-денежных отношений.

Игнорирование объективных закономерностей, действия закона стоимости оборачивается стихийным возникновением производства и распределения товаров и услуг в обход регулирования этого процесса законодательным путем, ведет к распределению товаров и услуг через государственную сеть, однако с взысканием разницы между установленной и фактической ценой, определяемой соотношением спроса и предложения. Эта разница незаконно изымается лицами, распределяющими товары и услуги и злоупотребляющими служебным положением.

В тех случаях, когда государственная цена значительно ниже стихийно возникающей цены на товары и услуги повышенного спроса, разницу оплачивает покупатель в виде сверхнормативной оплаты за услуги. По существу, сфера государственной торговли и обслуживания в такой ситуации распадается на два вида: первый — официальный, где товары (или услуги) предоставляются по их установленной цене (товары продаются на прилавке), и второй — неофициальный, преступный, где товары (или услуги) реализуются по фактической цене (товары продаются из-под прилавка). Функционирование этого вида преступления является возможным в связи с тем, что разница между государственной и фактической ценой в ряде случаев распределяется между лицами, от которых практически зависят поставка и распределение соответствующих товаров и услуг.

В целом существование неформальной системы производства и распределения тесно связано с ослаблением роли денег как всеобщего эквивалента. Заработная плата выплачивается, как известно, в виде денег. Однако реальное распределение товаров и услуг в подобной ситуации зависит не от заработной платы, отражающей вклад индивида в общественное производство, а от возможности проникновения в сеть фактического реального распределения.

С одной стороны, размер заработной платы ориентирован в принципе на официально установленные цены на товары и услуги. Однако там, где ножницы между формальной и фактической ценой становятся значительно большими, товар и услуги исчезают с официального прилавка или мастерской и возникают либо из-под прилавка, либо через «заднюю дверь», но уже не по официальной, а по реальной цене соответствующего товара или услуги. Тем самым ослабляется стимул к производительному труду за зарплату. С другой стороны, если заработной плате не противопоставляется адекватная товарная масса, то выплаченные и не «выбранные» деньги способствуют появлению товарного дефицита и спекуляции. Таковы отрицательные последствия, оказываемые преступностью на саму экономическую систему.

Указанные виды преступной деятельности могут в конкретных случаях приводить к фактическому перераспределению общественного продукта, но не в пользу того, кто больше и лучше работает, в частности, производит товары и

услуги, необходимые обществу, а в пользу тех, кто встает на путь совершения правонарушений.

Та часть общественного продукта, которая распределяется в нарушение принципа эквивалентности (хищения, взятки и т. д.), не поступает вновь в сферу производства, а оседает в виде накоплений, создающих давление на экономику, взвинчивающих стихийные, фактические цены, что, в свою очередь, ослабляет стимулы повышения производительности труда в рамках общественного производства. Таким образом, преступность, связанная с дисфункциями регулирующего механизма, усугубляет порождающие ее негативные условия экономического характера.

Распространенным преступлением в сфере экономики являются **кражи на производстве.** Деятельность расхитителей не так безобидна, как кажется на первый взгляд. Ежегодно на предприятиях пищевой промышленности страны задерживаются тысячи воров, изымается продукции на несколько миллионов рублей. Одной из причин совершения хищений на предприятиях является слабый учет тех или иных предметов. Как правило, объектами хищения становятся либо готовые изделия, полуфабрикаты, либо оборудование (с его деталями), которое используется для выпуска продукции. От объема выпускаемой продукции зависит, как известно, уровень заработной платы работников соответствующих предприятий. Этот уровень, т. е. степень зависимости заработной платы от количества выпускаемой продукции, может быть различным: от максимальной зависимости, когда снижение указанных показателей сразу же и существенно сказывается на заработке, до почти полной независимости получаемого вознаграждения от качества и количества выпускаемой продукции.

Чем больше заработная плата зависит от конечного результата труда, тем неблагоприятнее обстановка для хищений, подрывающих возможность выпускать качественную продукцию и получать честным путем заслуженный заработок. И чем меньше заработная плата зависит от конечного результата труда, тем меньше стимулов для сбережения в процессе производства как самой продукции, так и соответствующего оборудования. На уменьшение или увеличение количества мелких хищений на производстве влияет, конечно, степень дефицитности изготовляемой продукции, кото-

рая похищается либо для личного потребления, либо для перепродажи. Однако решающим фактором в этом деле является «обратная связь» между результатом труда и получаемым вознаграждением за труд. Об этом свидетельствует опыт строительных бригад, переведенных на бригадный подряд. У них не только улучшаются производственные показатели, но и практически прекращаются случаи хищений строительных материалов. Такой же результат — в кооперативах и в предприятиях, перешедших на аренду.

Ориентация зарплаты на конечный результат способствует росту трудовой активности, следовательно, формированию потребности в труде.

Кражи на производстве могут быть рассмотрены как одно из неконтролируемых проявлений перераспределения материальных ценностей. Если возникает ситуация, когда заработная плата, иные виды вознаграждения, а также возможность пользоваться материальными и социальными благами на конкретном предприятии значительно отстают от общественно необходимого уровня вознаграждения за труд, тогда кражи приобретают массовый характер. Устранение же крайних проявлений подобной неэквивалентности сводит кражи на производстве к минимуму либо ликвидирует их вовсе.

При эквивалентном, общественно необходимом вознаграждении за труд и непосредственной зависимости материального положения коллектива от честного труда его членов возможны, конечно, и факты краж на производстве, однако здесь проблема носит уже не столько социально-экономический, сколько дисциплинарный и уголовно-правовой характер.

Призывы «воспитать у трудящегося чувство хозяина» гораздо менее эффективны, чем конкретные мероприятия, реально позволяющие ему ощутить себя таковым.

Наряду с совершенствованием хозяйственного механизма существенную роль в борьбе с экономической преступностью играют меры по усилению контроля и наказания за нарушения административного и уголовного законодательства. Разумеется, одна лишь надежда на наказания была бы иллюзорной. Успех перестройки объективных обстоятельств, способствующих хищениям, требует раскрытия простора для деятельности людей, решительным образом настроенных на

новую жизнь, не желающих мириться с нечестностью, обманом, вседозволенностью и круговой порукой. Именно передовая часть рабочих, колхозников, работников торговли и сферы обслуживания противостоит коррупции и разложению. Важно, чтобы их деятельность получала поддержку, вела к реальным переменам, к очищению сферы производства и распределения от хищений и иных злоупотреблений.

В ТЕНИ КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Помимо хищений, краж на производстве, взяточничества, к числу экономических преступлений, согласно уголовному законодательству, относятся также частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество. Эта норма закона (см., например, ст. 153 УК РСФСР) противоречит развитию рыночных отношений.

Под частнопредпринимательской понимается такая деятельность в целях извлечения наживы, которая осуществляется при производстве товаров, строительстве или оказании услуг в сфере бытового, культурного и иного обслуживания населения с использованием либо под прикрытием государственных, кооперативных или иных общественных форм для получения прав, льгот и преимуществ, предоставляемых предприятиям и организациям (найма рабочей силы, получения сырья, материалов, оборудования, а также льгот по налоговому обложению, реализации продукции и т. д.). Она может осуществляться в сфере производства материальных ценностей (в промышленности, сельском хозяйстве), в торговле, на транспорте, в системе бытового и коммунального обслуживания населения и иных областях государственной и общественной деятельности. Эта деятельность — нелегальна. и потому — преступна.

Типичной является ситуация, когда государственная по форме и частная по существу предпринимательская деятельность сочетается с хищениями. При этом похищенное имущество (сырье, денежные средства и т. д.) непосредственно не изымается, а пускается в оборот, однако уже в рамках частнопредпринимательской деятельности. Прибыль, полученная таким образом, идет для личного обогащения. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что более 60% случаев хищений, раскрытых ОБХСС и контрольно-ревизион-

ными органами, не приводили к недостачам, так как присваивалось то, что производилось сверх плана, нелегально.

Частнопредпринимательская деятельность может осуществляться как путем создания мастерских, подсобных цехов, бригад и иных предприятий, так и приданием частнопредпринимательского характера существующим и функционирующим государственным либо общественным предприятиям и учреждениям.

Под частнопредпринимательской деятельностью понимается организация при колхозах всякого рода подсобных производств, мастерских. Там могут работать специально нанимаемые лица, т. е. может использоваться наемный труд. Частнопредпринимательская деятельность развивается и в иных общественных формах деятельности: профсоюзных, спортивных, культурно-просветительских.

В создаваемых при колхозах производственных цехах могут трудиться колхозники, свободные от работы в период между сезонами. Их продукция нужна потребителю, но вырабатывать ее на государственных предприятиях явно нерентабельно. Поэтому руководители данных цехов в ответ на повышенный спрос фактически диктуют заинтересованным предприятиям-потребителям цены на товары, значительно завышая себестоимость изготовляемых изделий. Оплата труда здесь выше, чем в колхозе. При этом часть получаемой прибыли присваивается участниками данного производства.

Такую же трансформацию могут претерпевать и разрешаемые законом старательские артели, добывающие золото и другие ценные металлы там, где государственная их разработка экономически не оправдана. Некоторые руководители артели с целью увеличения стоимости трудодня, по которому ведется расчет привлечения рабочих на тяжелую работу, завышают объемы работ, увеличивают расценки, составляют фиктивные документы и т. д. Подчас такая артель развивает инициативную деятельность далеко за пределами правового регулирования. Не довольствуясь материальными поставками от государственных предприятий, они рассылают «толкачей», чтобы «добыть» дефицитные запасные части и технику.

Так в ответ на законную потребность возникает незаконная деятельность. Более наглядно аналогичные измене-

ния происходят с государственным предприятием. Оно теряет, как правило, свой государственный или общественный характер и фактически частично переходит в частное (личное) пользование. Эффективность такой деятельности повышается, но ее нелегальный, подпольный характер сохраняется.

О подобной ситуации можно судить по некоторым объективным экономическим показателям, характеризующим работу конкретных хозяйственных предприятий. Так, на одном из мебельных предприятий выпуск готовой продукции увеличился на 23%, но одновременно на 16% увеличилась ее себестоимость. Это можно объяснить присвоением части продукции, так как данная часть не входит, естественно, в отчетные документы. Однако расходы на производство в целом увеличиваются. Показателем степени приватизации (обращения в частную собственность) этого предприятия служил также уровень превышения расходов сырья и материалов над приростом валовой продукции. Переход такого предприятия в собственность трудового коллектива снял бы подпольный характер этого производства, поставил его под контроль закона.

Своеобразие этой деятельности заключается, во-первых, в том, что она возникает (в ее экономическом аспекте) как ответ, как реакция на необеспеченную общественную потребность (никто не организует подпольное производство товаров, не имеющих быстрого сбыта). Во-вторых, соответствующее производство протекает в специфических условиях, а именно: исходное сырье или похищается, или получается в плановом порядке и присваивается, или покупается по оптовым, твердым государственным ценам; оборудование (помещения, станки), естественно, используется то, которое уже имеется на данном предприятии либо приобретается незаконно при помощи подлогов, взяток и т. д.

Поэтому нормативы, установленные для законных государственных или общественных предприятий, превращаются в ходе нелегальной частнопредпринимательской деятельности в объект корыстных злоупотреблений. Здесь при минимуме вложений (так как используются государственные или общественные ресурсы) достигается максимум прибыли Недостатки государственного хозяйственного механизма

оборачиваются не контролируемой законом нелегальной производственной деятельностью.

Сегодня много говорят и спорят о том, можно ли допустить у нас частную собственность на средства производства — здания, станки, оборудование и т. д. Эти разговоры ведутся в отрыве от реальности. На самом деле частная собственность у нас всегда была, есть и будет. Вопрос в другом — останется ли она подпольной, нелегальной, и потому — преступной или будет признана законом, а следовательно, и поставлена под эффективный контроль правовыми и экономическими мерами. В этом — суть.

Следует подчеркнуть, там, где производственная деятельность незаконна, чаще всего она сопровождается хищениями, взятками. Поэтому нетрудно увидеть, что эта сторона частнопредпринимательской деятельности отражает те недостатки, которые снижают эффективность хозяйственного механизма, не дают простора для развития предприимчи вости.

Определенные виды правонарушений и преступлений возникают в связи с дефектами регулирующего механизма не только в сфере производства, но и в сфере обмена. Как известно, обмен непосредственно связывает производство с потребителями, которыми могут выступать как отдельные граждане, так и государственные, общественные предприятия.

Экономически обоснованная потребность в обмене оборудованием, продукцией часто реализуется в форме противозаконной деятельности. Когда фактический хозяйственный механизм не соответствует нормативному, то он начинает функционировать вне закона, и поэтому его частыми спутниками являются хищения и иные злоупотребления.

Анализ уголовных дел о хищениях показал, что среди потребителей крупных партий похищенного были колхозы, жилищные кооперативы. Ведь их руководители идут на подобные сделки из-за тех материалов, которые колхоз или жилищный кооператив не может приобрести в необходимых количествах непосредственно в торгующих организациях.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. отнес к числу преступлений также коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения. Эта деятельность выражается в выполнении винов-

ным незаконных посреднических, в том числе торговых, операций (приобретение фондируемых или планируемых товарных ценностей, реализация продукции, принадлежащей колхозам, совхозам и другим организациям, приобретение дефицитных товаров, строительных материалов и т. п.).

В результате создается особая, незаконная (но достаточно эффективная) деятельность посредников, причем ее эффективность опирается либо на неформальные стимулы (знакомство, взаимные услуги), либо на дачу-получение взяток.

Так, в приговоре по делу Н. отмечалось, что он систематически от своего имени заключал соглашения с торгующими организациями северных областей РСФСР на закупку овощей и фруктов в колхозах, совхозах и сбытовых организациях УССР. С последними Н., в свою очередь, заключал соглашения на реализацию их продукции (фруктов и овощей) и на закупку для них тары в северных областях РСФСР. Себе он оставил определенный договором процент от суммы стоимости поставленной или реализуемой продукции. По сути он делал полезное дело, а по закону — совершал преступление.

Незаконные операции по снабжению часто связаны с хищением государственного или общественного имущества. Такого рода обменная деятельность осуществлялась, например, путем кражи водителями автомашин металла со склада завода, где они работали, и последующей его продажи в плодсовхозы. Причем руководители этих совхозов принимали металл, уверенные в его законном оформлении (преступники пользовались похищенными заводскими бланками). В обмен на металл они получали, а затем продавали (также по фиктивным документам) овощи и фрукты на рынках в северных областях страны. В другом случае лица, осужденные впоследствии за спекуляцию, переправляли крупные партии скупленной сельхозпродукции в разные районы страны, сбывая ее оптом в потребительскую кооперацию.

Обмен продукцией — неотъемлемое звено деятельности производства. Чем более развита промышленность, чем более она специализирована, тем необходимее кооперирование, т. е. взаимный обмен специализированной продукцией. И в этом деле важную роль играют посредники, практически,

реально обеспечивающие данный обмен. Только рыночные отношения способны решить эту задачу.

Широко известна роль так называемых толкачей, являющихся посредниками в отношениях между хозяйственными предприятиями. Потребность в такой «службе обмена» обусловлена порочной практикой определения для предприятий нереальных, несбалансированных показателей и заданий. Когда конкретному заводу министерство устанавливает план выпуска изделий, на производство которых не хватает запланированного сырья, то руководителю подобного предприятия приходится прибегать к незаконному обмену материалами и оборудованием.

Даже на уровне Госснаба СССР существуют толкачи кураторы важнейших строек из ответственных работников Иными словами — жизненно необходимая для нормальной работы промышленных предприятий функция обмена явно не обеспечивается существующим порядком деятельности органов снабжения. Более того, в рамках установленного порядка планирования возможна такая ситуация, когда план в рублях перекрыт, а завод осаждают сотни толкачей не получивших заказанные изделия.

Чем же способны компенсировать эти недостатки в деятельности официальных органов снабжения так называемые толкачи? К чему смогут прибегнуть они, если приказы требования, угрозы и уговоры не действуют? В подобной ситуации грань между дозволенным и порицаемым, между законным и преступным в действиях толкачей становится неопределенной.

Оказание должностным лицом содействия представителям других предприятий и организаций в сбыте или приобретении оборудования, строго фондируемых материалов, сырья, продукции иных товарно-материальных ценностей или в заключении каких-либо соглашений за вознаграждение квалифицируется как взятка.

Если для достижения экономической эффективности нарушается закон, то следует не просто наказывать за противоправные действия, а выявлять условия и обстоятельства, послужившие причиной нарушения данного закона. Чем шире и глубже этот разрыв между эффективностью и законностью, тем настоятельней нужда в таком правовом регулировании. Между тем еще нередки случаи, когда закон ис-

пользуется как прикрытие для экономической неэффективности, бесхозяйственности и расточительства. А ведь вне коммерческого посредничества нет торгового оборота. Данного права лишены «частные лица». С одной стороны, эта форма посредничества узаконена (нормы Гражданского кодекса РСФСР — глава 36). С другой стороны — нормы Уголовного кодекса (ч. 2 ст. 153 УК РСФСР) относят к числу хозяйственных преступлений «коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения».

Сопоставление текстов норм, содержащихся в ст. 396 ГК РСФСР (разрешающей) и в ч. 2 ст. 153 УК РСФСР (запрещающей), позволяет сделать вывод, что законным в буквальном смысле является коммерческое посредничество, осуществляемое частным лицом однократно (или от случая к случаю) и без цели обогащения (бескорыстно). Но в чем же тогда смысл такого рода посредничества? И относится ли оно к «коммерческому»? В комментарии к ч. 2 ст. 153 УК РСФСР говорится, что «посреднические услуги являются противоправными, если размер обусловленного вознаграждения значительно превышает трудовые затраты посредника, образуя нетрудовой доход». Следовательно, в принципе размер вознаграждения посредника хотя бы и «незначительно», но может превышать трудовые затраты посредника, и это логично. Но такая логика, однако, противоречит букве закона (ч. 2 ст. 153 УК РСФСР), поскольку и получение такого вознаграждения есть результат преследования «цели обогащения».

Вместе с тем очевидно, что ограничительная формула «значительно превышает затраты посредника» не очень проясняет ситуацию (нет критерия того, когда вознаграждение «значительно» превышает «трудовые затраты», а когда — нет). Однако именно эта крайне неопределенная грань отделяет вполне законную деятельность (ст. 369 и др. ГК РСФСР) от уголовного преступления (ч. 2 ст. 153 УК РСФСР).

Немаловажен и такой момент. Мы говорим о том виде посредничества, который основан на договоре получения продукции, принадлежащей производителю на праве личной собственности. Следовательно, он может распряжаться ею полностью по своему усмотрению. В этой ситуации посред-

ник, реализуя данную продукцию, становится фактически участником индивидуальной производственной деятельности. Поэтому поручителю по закону принадлежит право устанавливать такой размер вознаграждения посредника, который он считает экономически целесообразным (точно так же, как он самостоятельно определяет на рынке цену своей продукции). Иначе получается, что на рынке собственник может выручить любую сумму денег, но выплатить посреднику соответствующие этой сумме комиссионные не может.

Несовершенство хозяйственного механизма ведет к образованию неформальных систем в структуре управления экономикой. Складываясь стихийно и опираясь не на официальное правовое регулирование, а на личные отношения, подобные системы создают благоприятную почву для правонарушений в сфере экономики. В подобной ситуации некоторые должностные лица вовлекаются в преступную деятельность. В результате возникает структура преступных связей и отношений. Такая «структура» появляется там, где производители материальных благ не обладают достаточной степенью законной и действенной организованности, где официальная структура не может обеспечить этим производителям соответствующую защиту их законных интересов.

Одной из самых социально опасных черт экономической преступности является наличие элементов организованности, т. е. целой ступенчатой системы. Подобные черты такой организованной преступности связаны с ее функцией — обеспечить незаконным путем общественную потребность, а это, в свою очередь, ведет к дисфункции более широких социальных систем (разворовывается сырье, похищаются инструменты для организации «левого» производства и т. д.), а добытые преступным путем средства идут на подкуп должностных лиц, при этом в руках расхитителей сосредоточиваются огромные суммы денег и материальные ценности. В результате общественный характер социалистической собственности полностью или частично утрачивается.

Известно, что отношения собственности, выступая по форме в виде правовых установлений (норм), по сути своей — отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. В этих отношениях воплощаются характер, способ соединения непосредственного производителя со средствами произ-

водства. Правовой институт собственности функционирует в соответствии с объемом полномочий, характером и уровнем решений, принимаемых в различных пунктах структуры управления экономикой. Реальные правомочия в сфере экономики воплощаются в возможности распоряжаться ресурсами. Тот, кто держит в своих руках эти полномочия, тот и является реальным собственником.

Собственник может распоряжаться собственностью, но может быть всего лишь носителем этого титула, а действительным распорядителем собственности будет другое лицо. Ключ к пониманию реального функционирования экономики как социального института мы найдем в ответе на вопрос о том, кто и как на деле распоряжается ресурсами, вводимыми в процессе производства, кто и как определяет реальную судьбу получаемого в результате продукта. Именно это и наполняет конкретным содержанием правовую категорию собственности (либо лишает ее этого содержания).

Там, где трудящиеся действительно распоряжаются основными средствами производства, где они выступают реальными хозяевами, пусть небольшого, ограниченного участка, на котором работают, там они и сами гарантируют эффективность честного труда. Всеобщее, равное участие людей труда в управлении экономикой, производством, организованном на принципах самоокупаемости и самофинансирования, при условии полного развития производственной демократии, позволит устранить связанные с бюрократизмом последствия: бесхозяйственность, расточительство и хищение народного добра, извлечение нетрудовых доходов.

Понимание этой закономерности в развитии производственных отношений принципиально важно. Ибо это ведет к подрыву основ экономической преступности в сфере народного хозяйства. Преступность, являющаяся тенью административно-командной системы, не может быть побеждена без коренной реформы в экономике.

НЕ НАДО ЛИ ПОСТРОЖЕ?

Какова же роль наказаний в борьбе с преступностью в сфере экономики? Может быть, все дело в том, что мягко наказывают? Не надо ли построже? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться хотя бы к некоторым, наибо-

лее показательным, этапам эволюции норм уголовного права, предусматривающих уголовную ответственность за имущественные и хозяйственные преступления. Первым из таких этапов явился переход страны к новой экономической политике — нэпу. Он отличался устойчивой тенденцией к снижению преступности в стране, об этом свидетельствуют цифры (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды преступлений	Количество преступлений		
	1925 г.	1926 г.	В % к 1925 г.
Налоговые преступления	28 248	23 439	—17
Хозяйственные преступления			
Всего	67 603	33 882	—50
В том числе:			
а) самогоноварение	47 121	24 528	—48
б) трудовые	7 228	6 220	—14
в) прочие	13 254	3 134	—76
Должностные преступления			
Всего	28 704	32 525	+13
В том числе:			
а) растрата	14 773	22 489	+52
б) взяточничество	5 529	3 529	—36
в) прочие	8 403	6 507	—21
Имущественные			
Всего	126 437	127 911	+ 2
В том числе:			
а) разбой и грабеж	5 747	3 729	—35
б) кража	93 289	97 544	+ 4
в) прочие	27 391	26 638	— 3

Сокращение преступности в период нэпа было связано со значительным улучшением экономического положения трудящихся — ростом заработной платы городского населения, увеличением доходности хозяйств крестьянина и уменьшением сельскохозяйственного налога для деревни.

Для уголовной политики этого периода характерно по-

стоянное снижение тяжести наказаний за экономические и за все остальные преступления, о чем свидетельствуют данные о сроках лишения свободы, назначавшихся судами в 1924—1926 гг. (см. табл. № 2).

Таблица 2

Виды преступлений	Среднее число лет лишения свободы			В % к 1924 г		
	1924 г	1925 г.	1926 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г
Должностные	1,75	1,33	1,12	100	76	64
Хозяйственные	0,92	0,58	0,50	100	63	54
Имущественные	1,12	0,87	0,67	100	77	60
Против личности	1,58	1,17	0,75	100	74	47
Контрреволюционные	3,96	3,96	3,45	100	100	87
Против порядка управления	1,29	1,25	0,79	100	97	61
Всего	1,25	0,98	0,72	100	71	57

Из этой таблицы видно, что сроки лишения свободы по всем видам преступности из года в год сокращались.

В конце 20-х и в начале 30-х годов в уголовной политике произошли значительные изменения. 10 января 1930 г. (СУ РСФСР. — 1930. — № 5. — Ст. 63) был принят закон, по которому при назначении в качестве наказания ссылки и высылки «суд руководствуется исключительно оценкой социальной опасности осужденного и не связан сроками лишения свободы, установленными в соответствующих статьях УК». Это означало, что за отказ от выполнения хлебозаготовок, невыполнение плана посева виновный мог быть лишен свободы на срок до 2 лет или приговорен к ссылке на срок до 10 лет.

Интересна эволюция, которую претерпело законодательное определение такого преступления, как спекуляция. В первоначальной редакции соответствующей нормы предусматривалась ответственность за «злостное повышение цены на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок». Существом этого преступления считалось, следо-

вательно, злостное повышение цены, недобросовестная конкуренция. С 1932 г. спекуляция определяется как «скупка и перепродажа» — в то время это касалось «продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления», а с 1960 г. — любых товаров. Таким образом, наказуемой стала свободная торговля, как таковая.

7 августа 1932 г. был принят Закон об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности (С. З. — 1932. — № 52. — Ст. 360). В нем содержалась следующая норма: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». И далее: «Приравнять по своему значению имущество колхозов и кооперативов (урожай на полях, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.) к имуществу государственному и всемерно усилить охрану этого имущества от расхищения». К лицам, осужденным за данные преступления, амнистия не применялась. Причем по Закону от 7 апреля 1935 г. эти наказания могли применяться к гражданам, достигшим возраста 12 лет. 2 октября 1937 г. высший предел наказания в виде лишения свободы был поднят до 25 лет.

В это же время расширяется понятие взяточничества и хищения, ставится задача преследовать «за практику прямого товарообмена как за преступление, граничащее со взяточничеством». За незаконную продажу товаров по твердым ценам наказывали как за разновидность «хищения социалистической собственности». Требовалось «усилить борьбу со спекуляцией хлебом и подсолнухом», пресекать и наказывать в уголовном порядке «колхозную и индивидуально-крестьянскую торговлю» этими продуктами.

Уголовная политика того периода была направлена на применение уголовного наказания за спекуляцию в случае отказа продавать излишки хлеба государству по твердым ценам. Данная мера мотивировалась необходимостью борьбы с кулаками. Однако вот каким оказался классовый состав лиц, осужденных за это преступление в 1934 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Социальный состав осужденных	1-е полугодие, в %	2-е полугодие, в %
Кулацко-зажиточные	8,3	9,4
Середняки-единоличники	20,9	22
Бедняки-единоличники	6,3	6,8
Колхозники	11,4	12,6
Рабочие	17,1	15,9
Служащие	6,5	6,4
Деклассированные	10,8	8,7
Прочие и неизвестные	19,7	17

По Закону от 7 августа 1932 г. (за хищение) в большинстве случаев в качестве наказания назначался расстрел.

Основой уголовной политики того времени являлась теория возрастания классовой борьбы по мере укрепления социализма. Оправданием этой политики служила борьба с правым уклоном (либеральное понимание революционной законности, исходящее исключительно из устойчивости оборота и поощрения развития производительных сил в индивидуальном крестьянском хозяйстве). С этим следовало вести борьбу. При этом выявляется важная социальная закономерность. Игнорирование реальных условий экономического развития, отбрасывание товарно-денежных отношений, материального стимулирования высокопроизводительного труда, отступления от ленинского кооперативного плана (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности) с неизбежностью вели к росту насилия, принуждения в сфере экономических отношений. С помощью рычага государственной власти, насилия производственные отношения переводились якобы на более высокий уровень развития. Давая, быть может, на коротком отрезке времени и в чрезвычайных условиях определенный эффект, принудительное воздействие на производственные отношения лишает экономику необходимого динамизма, ведет в конечном итоге к застою и стагнации, преодоление которых, как стало очевидным сегодня, — главная задача современного периода нашего развития.

В период массовых репрессий 30-х годов к уголовной ответственности необоснованно привлекались, в том числе и

за ничтожные проступки, миллионы трудящихся. Несколько примеров. Четверо рабочих были осуждены за хищение (взяли по одной буханке хлеба) к 10 годам лишения свободы. Долгова Анна — 16-летняя уборщица хлебопекарни — была признана виновной в том, что «на работе ела хлеб без нормы». За это она была осуждена по закону 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы.

Огульная репрессия, против тех, кто в условиях острой материальной недостаточности совершает корыстные преступления, лишает сам уголовный закон морального, нравственного оправдания и расценивается как жестокий и несправедливый.

Последующее развитие уголовного законодательства было противоречивым. С одной стороны, уже в 1955 г. в отдельный вид преступления выделено «мелкое хищение» (впоследствии переведенное в разряд административных проступков), что повлекло значительное смягчение наказания. С другой стороны — в 1962 г. (через 30 лет после принятия Закона от 7 августа 1932 г.) за хищение в особо крупных размерах введена смертная казнь (как и за ряд других корыстных преступлений).

Усиление репрессии в борьбе с преступностью в сфере экономики, как показывает жизнь, не снижает ее уровень, а, напротив, порождает еще более злостные, тщательно законспирированные экономические преступления. В более же широком, социологическом аспекте усиление репрессии в отношении экономических преступлений знаменует стремление восполнить недостаточность экономического стимулирования в развитии производства внеэкономическим принуждением, что, как теперь становится очевидным, тормозит экономическое развитие и одновременно не останавливает коррупцию и разложение.

В настоящее время уголовное законодательство в борьбе с экономической преступностью должно быть радикально пересмотрено как с точки зрения формулирования его норм, так и практики их применения. Внести свой конструктивный вклад в перестройку, обновление нашей экономики уголовный закон может только при условии ясного понимания его социального смысла и значения, с учетом реальных последствий принимаемых норм.

«ВЕДОМСТВЕННОЕ» УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Известно, какой вред нашему обществу причиняют экономические преступления (хищения, взятки и т. д.). Безнаказанность взяточников, расхитителей, если она имеет место, нетерпима и вызывает всеобщее возмущение. Вместе с тем в последние доперестроечные годы участились случаи, когда к преступникам относили инициативных хозяйственных руководителей и их осуждение вступало в резкое противоречие с общественным правосознанием, чувством справедливости, а подчас и просто со здравым смыслом. Об этом сообщалось в печати.

Анализ дел показывает, что подобная практика не «эксцесс» отдельных работников правоприменительных органов, а определенная линия, тенденция. Необходимо понять и оценить подлинный социальный смысл и значение преследования хозяйственников. Речь идет о жизненно важных вопросах экономики, о факторах, либо способствующих перестройке, либо тормозящих этот процесс.

В начале 80-х годов некоторые промышленные предприятия остро нуждались в срочном изготовлении деревянных моделей для литья несерийных изделий из металла. Их отсутствие ставило под угрозу выполнение важнейших плановых заданий.

4 августа 1981 г. судом первой инстанции 7 модельщиков были признаны виновными в хищении государственных средств в особо крупных размерах, злоупотреблении служебным положением, должностном подлоге. А Верховный Суд СССР (через 4 года) отменил этот приговор. Случайно ли такое кардинальное расхождение во мнении двух судебных инстанций, одна из которых признала подсудимых виновными в тяжком преступлении, за которое возможно применение высшей меры наказания, а другая (рассмотрев те же факты!) — полностью сняла с них подобное обвинение?

Рабочие — модельщики экспериментально-производственного предприятия (ЭПП) — начали вопреки статусу этого предприятия выпускать модели для литья в качестве основного вида продукции. Позднее они открыли четыре подсобных цеха по производству моделей.

Правовой основой производства моделей для литья служили договоры, заключавшиеся от имени ЭПП с заинтере-

сованными заводами, нуждавшимися в подобного рода изделиях. Незаконный характер этих договоров был результатом завышения расценок за изготовление моделей для литья. Бригадиры в несколько раз завышали оптовые цены на эти изделия, и часть перечисленных денег получали модельщики.

Социально-экономический аспект этого уголовного дела заключается в том, что объективным результатом деятельности, оцененной в качестве преступления, был значительный экономический выигрыш ряда предприятий, предотвращение, в частности, аварии на теплоэлектростанции и т. д. Здесь очевидно наличие коллизии между уголовно-правовым запретом и экономическим содержанием рассмотренного вида производственной деятельности.

В недалеком прошлом правоохранительные органы привлекали к уголовной ответственности граждан за так называемое «хищение в пользу третьих лиц».

Вот несколько примеров. За строительство дороги начальник СМУ, начисляя зарплату рабочим, применил повышенный коэффициент, который, однако, ведомство распространило не на данный район, а на соседний. Дорогу построили, и тем самым был предотвращен срыв ввода в строй важного промышленного объекта, что причинило бы существенный ущерб народному хозяйству. Начальник СМУ осужден постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. за хищение (тех самых денег, которые получили рабочие).

В столовую прибыло новое ценное оборудование, которое необходимо охранять, а в штате столовой сторож не предусмотрен. Как быть в этом случае директору? Приказом он оформляет работника на должность уборщика, и тот добросовестно исполняет функцию сторожа. Директора привлекают к уголовной ответственности и осуждают за хищение (тех денег, которые выданы сторожу).

Председатель колхоза и главный бухгалтер выплатили рабочим подрядной бригады, ремонтировавшей дорогу, премию, обусловленную договором подряда. Оба осуждены за хищение (денег, полученных рабочими).

Исполком выносит постановление: «Запретить применение труда подрядных бригад при выращивании бахчевых культур». Колхоз же привлек такую бригаду и расплатился

с нею частью выращенного урожая арбузов. Рабочие данной бригады были осуждены за хищение колхозной собственности (впоследствии само постановление исполкома как незаконное было отменено). Отменены были и неправосудные приговоры. Однако остался причиненный уголовным преследованием ущерб народному хозяйству, и ничто, конечно, не возместит морального ущерба, нанесенного невинно осужденным (вред, причиненный хозяйству целой области в связи с тем, что перестали выращиваться бахчевые культуры, оценивается по меньшей мере в 400 тыс. руб.).

Что можно сказать о подобной практике. Во-первых, из рассмотрения дел полностью устраняется такая характеристика хищения, как причинение ущерба, вреда государственной или общественной собственности. Во-вторых, следствие, а затем и суд усматривают вознаграждение за труд (реальный и общественно полезный) как нарушение ведомственного норматива. Но в данных нормативах могут быть отражены вовсе не общегосударственные, а узковедомственные интересы. И их соблюдение в этих условиях может нанести только вред социалистической собственности как в виде прямого ущерба, так и в упущенной выгоде. Но если в коллизии (столкновении интересов) между реальной экономической необходимостью, между стремлением обеспечить подъем производства, уровень благосостояния путем применения высокопроизводительного труда, с одной стороны, и ведомственным запретом — с другой, правоохранительный орган встает на позицию ведомства, при таких обстоятельствах уголовная репрессия не только применяется неоправданно и незаконно, но и наносит вред социалистическому имуществу.

В подобных ситуациях постоянно происходит фактическая подмена нормы уголовного закона нормой подзаконного акта, например (как это было в деле рабочих-модельщиков), нормой, содержащейся в устаревшем прейскуранте цен на изготовлявшиеся изделия.

К тому, о чем здесь шла речь, можно относиться поразному, к примеру, можно расценивать это как всего лишь ошибки в ходе применения закона (причем ошибки, поправляемые высшими судебными инстанциями, прежде всего Верховным Судом СССР). Мы полагаем, однако, что дело не только (и не столько) в ошибочном истолковании закона

(хотя и это возможно), сколько в наличии определенной, достаточно устойчивой системы взглядов и представлений, стереотипов мышления, в наличии определенной уголовно-правовой, «карательной» психологии. Эта система взглядов имеет и свои исторические корни, и свою опору в некоторых элементах структуры управления экономикой. Не осознав этих связей, трудно надеяться и на реальный перелом уголовной политики. Ситуация, когда наказывают или пытаются наказать (серьезно!) за хищение человека, к рукам которого буквально «ничего не прилипло», игнорируя объективный результат его хозяйственной, трудовой деятельности, наводит на мысль, что на самом деле его наказывают за что-то иное, хотя оно и не называется прямо. Подобная практика имеет определенный и весьма конкретный социальный смысл и значение.

В чем же этот смысл? Вспомним историю. В 1941 г. был принят Закон о запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти действия (Ведомости Верховного Совета СССР. — 1941. — № 8), в котором говорилось, что продажа, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными, а также незаконное приобретение их является «преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности».

Текст этой нормы весьма поучителен. В нем признается, что речь идет об оборудовании и материалах, оказавшихся излишними и неиспользованными. Кто от этого страдает, если предприятия в интересах производства обменивают или продают другим предприятиям эти излишние и неиспользованные материалы? Социалистическая собственность? Ясно, нет. Однако подобная деятельность объявлялась преступлением, «равносильным» расхищению.

Можно сказать, что «это — история». И верно. Сейчас уголовное право не знает такого запрета, оправдывавшегося в свое время ссылкой на условия военного времени. Что же изменилось? Почему преступное в прошлом стало законным (и желательным, экономически необходимым) сегодня? Ответ не очень сложен: право распоряжения этими объектами государственной собственности новый Закон о предприятии передал руководителям предприятий, нарушая тем самым монопольное право ведомства.

Другой пример. В 1932 г. был принят законодательный акт, согласно которому повышение заработной платы рабочим и служащим без ведома центрального ведомства каралось в уголовном порядке (СЗ СССР. — 1932. — № 91).

Достаточно сравнить этот акт с нормой (содержащейся в новом Законе о предприятии), в которой предприятию предоставлено право самому решать вопрос о фонде заработной платы, смысл происшедшей эволюции нам ясен: то, что считалось нерушимой прерогативой центрального ведомства, становится ныне в качестве неотъемлемого права предприятия.

Но из этих примеров (а их множество) видно, что уголовный закон (в приведенных актах 30-х и 40-х годов) охранял на самом деле не социалистическую собственность, а монопольное право ведомства, административной системы на распоряжение этой собственности. Именно власть ведомства обеспечивалась уголовным наказанием тех, кто пытался ее нарушить, какими бы мотивами «нарушитель» ни руководствовался, в каких конкретных условиях хозяйствования он ни находился и к каким бы тяжким экономическим последствиям это ни приводило. Поэтому «вклад» подобного подхода в последовавшее замедление экономического развития страны — достаточно весомый.

Преодолен ли ныне такой подход? Можно ли праздновать победу? Казалось бы, да. Названные выше законы, содержавшие уголовные санкции, отменены. Однако кое-что, и очень важное, осталось. Во-первых, как мы убедились, сохраняется ведомственное усмотрение, дающее простор для создания норм «ведомственного» уголовного права. Во-вторых, живы и элементы уголовно-правовой карательной психологии, приспосабливающие формулу уголовного закона под ведомственный или местный интерес. Конечно, сейчас уже нет приговоров, в которых содеянное расценивалось бы по образцу 1941 г. как «равносильное хищению». Вместе с тем приведенные выше примеры из судебно-следственной практики — факты совсем недавнего прошлого. Напомним, что в одном случае уголовный закон был бы применен, по сути, за то, что бригада рабочих попыталась наладить нужное производство, самостоятельно определить расценки и соответствующую им заработную плату, договориться с по-

купателями о ценах, т. е. рабочий коллектив посягнул на прерогативу ведомства, скорректировал то, что прямо сдерживало рациональную, эффективную экономическую деятельность, реально начал перестройку; в другом случае — за то, что хозяйственный руководитель, чтобы построить качественно и в короткий срок дорогу, применил коэффициент, утвержденный ведомством, но не для этого, конкретного, района, а для соседнего; в третьем примере — за то, что руководитель колхоза привлек подрядную бригаду для выращивания арбузов, а это запрещено исполкомом (огурцы, например, по мнению исполкома, выращивать было бы законным делом) и т. д.

Ведомственность, местничество — не отвлеченные понятия или абстрактные категории — они живут и действуют, пытаясь опираться на карательную силу уголовного закона Более того, нам предстоит еще убедиться в будущем — что в конце концов возобладает. формально отмененные нормы 30-х и 40-х годов, чья психологическая основа пережила отмену ее юридических носителей, либо новые, ныне действующие, нормы, реальность воплощения в жизнь которых — это вопрос, ответа на который пока сегодня нет (а ведь речь идет о судьбе перестройки).

Переход на рубеже 30-х годов к методам «командной» экономики сопровождался расширением круга наказуемых деяний. Здесь проявилась своего рода закономерность: лишение хозяйственных руководителей, трудовых коллективов и каждого работника экономической и организационной самостоятельности, превращение крестьян, по сути, в работников наемного труда вели к ослаблению экономических стимулов в сфере производства. На замену им неизбежно приходило внеэкономическое принуждение, в том числе и в форме уголовной репрессии. Мы уже об этом говорили. Расширению такой репрессии послужили расплывчатые характеристики деяний как равносильных хищению, равносильных вредительству и т. д. В уголовном порядке отмечали: управдомы — за плохое ведение домов, хозяйственные руководители — за бесхозяйственность, председатели колхозов и члены правления — за невыполнение договоров контрактации, колхозники — за невыработку обязательного минимума трудодней, за небрежное хранение сельхозмашин, рабочие —

за опоздание на работу и за прогул, директора заводов и начальники ОТК — за выпуск брака и т. д. и т. п. Многие из этих норм отменены, однако некоторые действуют и сегодня. Продолжает проявлять себя тенденция решать важнейшие проблемы экономики путем уголовного наказания.

Более того, во многих случаях в категорию уголовных преступников попадают как раз те, кто пытается хозяйствовать наиболее действенно. То, что экономически эффективно, — подчас незаконно, а то, что законно, — сплошь и рядом экономически неэффективно. Так по упоминавшемуся делу с рабочих-модельщиков было снято обвинение в хищении и злоупотреблении служебным положением, но оставлено в силе обвинение в частнопредпринимательской деятельности. Но в чем заключалась эта деятельность по существу? «Они самостоятельно подыскивали клиентов, определяли с ними объем работ, номенклатуру и стоимость изделий».

Ведь здесь идет речь не о преступной (т. е. общественно опасной) деятельности, а об инициативе и предприимчивости, являющихся элементарным условием любого вида эффективного производства. Да и с точки зрения социального, правового сознания трудно применить категорию «преступник» к рабочим, собственным трудом создававшим нужную для предприятий продукцию. Опять-таки верно, что подобная деятельность может вступать в противоречие с ведомственными нормами, регулирующими (а по существу сдерживающими) развитие производства. Но если с точки зрения социального смысла и содержания какой-либо вид деятельности приносит пользу обществу и не противоречит принципам эффективного производства (хотя и нарушает административно-хозяйственные нормативы), то обоснованной будет постановка вопроса о декриминализации, т. е. об исключении из уголовного закона норм о наказании за такую деятельность. Одновременно необходимо пересмотреть хозяйственные нормативы для того, чтобы понятие «государственное предприятие» и «предприимчивость» не противостояли друг другу, а образовывали неразрывное единство, столь нужное для перехода экономики на рельсы интенсивного развития, а следовательно, и для преодоления механизма торможения перестройки.

СВОБОДА ТОРГОВОГО ОБОРОТА

Не мной было сказано, что много лет и упорно административная система воюет с собственным народом, не позволяя ему делать то, что ему потребно, угодно, выгодно и что не в состоянии выполнить никакие министерства и ведомства. Продукты гниют на государственных базах, пропадают на совхозных полях, государственные магазины давно забыли, что такое торговля, — в основном все распределяют по талонам. Все это можно, все это не преступно. Преступно лишь одно: простому гражданину купить или продать что-нибудь, да еще не дай бог с выгодой. Лучше пусть все гниет. Такую практику охраняет закон, созданный еще в те лихие годы, когда был сломан хребет трудового крестьянства. Слово «спекулянт», получившее ругательный смысл в эпоху «военного коммунизма», ненадолго исчезнувшее в период нэпа, встало в 30-е годы в один ряд с клеймом «враг народа». И сегодня уголовный закон (ст. 154 УК РСФСР) считает преступлением «скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы». Именно эта норма знаменовала конец нэпа, сутью которой было введение свободного торгового оборота.

Статья 154 УК РСФСР противоречит действующему гражданскому законодательству. В ст. 240 ГК РСФСР предусмотрена «продажа гражданами своего имущества» «по ценам, устанавливаемым соглашением сторон». Действующая норма УК противоречит ст. 8 Закона СССР «О собственности в СССР», согласно которой в собственности трудового хозяйства может находиться «предприятие в сфере торговли». Интересно, чем такое предприятие сможет заниматься? Торговать себе в убыток?

Приведу два примера из жизни. Собрав урожай картофеля на своем приусадебном участке, гражданин собирается везти его на рынок. Соседка просит: купи у меня здесь мой картофель, отвезешь на рынок и продашь вместе со своим. Цена — по договоренности. Гражданин соглашается. Законная сделка состоялась. Затем продает всю картошку на рынке и тоже по закону. Выиграли все — гражданин, его соседка, покупатели на рынке. Результат: гражданин осужден за спекуляцию («скупка и перепродажа с целью наживы»).

При Ярославском облпотребсоюзе был создан и начал успешно действовать посреднический кооператив «Урожай». Как сообщается в корреспонденции «Известия», кооператоры «Урожая» закупали черешню у владельцев приусадебных участков в Азербайджане, в окрестностях Кировабада и продавали ее на рынке в Ярославле. При погрузке этого товара на самолет в аэропорту кооператоров посчитали спекулянтами (их спасла публикация в «Известиях» о деятельности этого кооператива), ту же «криминальную» оценку деятельности кооператоров дали в облфинуправлении Ярославля. За что наказывает уголовный закон, касающийся ответственности за спекуляцию и коммерческое посредничество? Каков его социальный смысл? Может быть, «криминал» — получение прибыли, наживы? Это не так, поскольку любая снабженческо-сбытовая деятельность построена по одному (и совершенно неизбежному) принципу: купить у производителя его продукцию по одной цене, доставить ее и продать потребителю доставленную продукцию по другой, более высокой цене («с прибылью»). Этим и занимаются, в частности, государственные закупочные конторы. Об уровне «эффективности» их деятельности красноречиво говорит остающаяся на полях, гниющая на базах продукция сельского хозяйства. Они — монополисты.

Статья 154 УК РСФСР отнесла к числу преступлений скупку и перепродажу товаров с целью наживы, в том числе предметов и товаров, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

Таким образом, уголовный закон охраняет деятельность заготовительных организаций. И охраняет он довольно успешно. По сообщениям печати, в 1990 г. поступление продукции на рынки заметно сократилось. Это результат применения уголовного закона об ответственности за спекуляцию к личной собственности граждан и продукции их индивидуального труда. Гражданское законодательство молчит. Уголовное — действует.

Обмен продукцией — неотъемлемое звено производства. Если в промышленности оптовая торговля средствами производства станет реальностью, если будет развиваться товарное производство как в колхозах (совхозах), так и на при-

усадебных участках, если разовьется кооперативное и индивидуальное производство, если во всех случаях станут реальностью цены по договоренности — в этих условиях профессиональная посредническая деятельность будет законным элементом нового хозяйственного механизма (как в его государственных, так и в кооперативных и индивидуальных формах).

В ст. 7 Закона СССР «О собственности в СССР» говорится, что после приобретения имущества в собственность гражданин вправе распоряжаться им по своему усмотрению — продавать и т. д. Поэтому целесообразно ввести в гражданские кодексы союзных республик следующую норму: **«Собственник вправе приобретать и продавать принадлежащее ему имущество по ценам, определяемым соглашением сторон. Право свободного торгового оборота гарантируется и охраняется Законом».**

Право собственности осуществляется только через его реализацию. Простое провозглашение этого права, наделение в законе субъекта статусом собственника ничего не значит, если он будет фактически лишен права на свободное приобретение и продажу принадлежащего ему имущества. Закон о собственности в СССР должен работать, действовать, тогда и перестройка в экономике станет реальностью. И последнее. Вот с настоящим-то спекулянтом борьба у нас не ведется вовсе. А он имеется. Спекуляция как преступление (во всем мире) — это злостное повышение цены на товары путем скупки с целью сокрытия, накопления и невыпуска таковых на рынок (в 20-х годах подобная норма содержалась и в нашем Уголовном кодексе. Эта норма защищала свободу торгового оборота, честную конкуренцию, которая способна была снизить цены, т. е. на деле охраняла права потребителя). Настоящий спекулянт — враг свободной торговли, враг честных торговцев. Он монополизирует торговлю, чтобы взвинтить цены на рынке и получить сверхприбыль. Его доход поэтому в десятки раз превосходит себестоимость товара, он натравливает на конкурентов «прирученную» милицию и раздраженный высокими ценами народ... Ну а кто этот самый главный у нас монополист в торговле (он же — главный спекулянт) и в каких законах он заинтересован — читатель легко догадается сам.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (вопросы и ответы)

Вопрос. Так что же такое экономическая преступность?

Ответ. Подытоживая все сказанное, повторим еще раз, что экономическая преступность (или точнее, «преступность в сфере экономики») включает в себя наряду с хищениями также и иные виды преступлений. В их числе прежде всего такие противоправные действия, совершаемые в сфере народного хозяйства, как выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. Уголовный закон считает преступлением спекуляцию, обман покупателей и заказчиков, поборы, занятие запрещенным промыслом и ряд других деяний. К категории экономических могут быть отнесены также должностные преступления (злоупотребление властью или служебным положением, взяточничество и т. д.) в случае, если они совершаются в связи или по поводу функционирования экономических отношений.

Вопрос. Почему экономическая преступность оказалась столь живучей? Ведь даже введение высшей меры наказания за наиболее опасные ее виды не дало реального результата.

Ответ. Современный этап борьбы с экономической преступностью характеризует важный социальный аспект: преступность в сфере экономики находит опору в отсутствии реального, социально-действенного механизма, способного обеспечить интенсификацию производства. На пути построения этого механизма стоит бюрократическая структура, созданная для приказного директивного руководства экономикой. На этом и паразитирует преступность, во-первых, путем прямого расхищения народного добра, ибо фиктивный характер учета и контроля — неотъемлемая черта подобной структуры. Во-вторых, путем разворачивания подпольного производства, где прикрытие в виде государственной монополии избавляет организатора данного производства от опасности разорения и вместе с тем позволяет ему извлекать поистине монопольные прибыли, поскольку малоэффективное «официальное» производство подчас не представляет для него реальной конкуренции.

В обоих случаях расхититель оплачивает невмешательство в его дела в виде взятки, подкупа. Воистину бюрокра-

ты и жулики — две стороны одной медали. Тормозя перестройку, бюрократ, с одной стороны, сохраняет доступ к преступной «дани», а с другой — препятствует разворачиванию высокоэффективной социалистической предприимчивости. Но именно на ликвидацию подобного положения и направлена предпринимаемая в настоящее время кардинальная перестройка отношений в сфере экономики.

Вопрос. Связана ли экономическая преступность с развитием товарно-денежных отношений?

Ответ. Конечно. Однако необходимо при этом избавиться от одного стереотипного представления. Известно, что экономические преступления (хищения, взятки, приписки и др.) — корыстные, имущественные. Отсюда возможен и вывод: чем меньше наше общество ориентируется в руководстве экономикой на материальные стимулы, а больше на приказы, чем меньше развивает товарно-денежные отношения, а больше применяет административно-командные методы, тем якобы меньше «корысти» в общественном сознании, а следовательно, меньше экономических преступлений.

К сожалению, такой подход распространен на практике. Что же в результате? Анализ показывает, что «загнанные в подполье» товарно-денежные отношения «вдруг» проявляют себя в уродливом обличье «теневой» (подпольной, нелегальной) экономики с ее неизбежными спутниками — коррупцией, особо крупными хищениями, а нормальные материальные стимулы — в форме взяток, «поборов», краж на производстве и т. д.

Вопрос. Из печати известны случаи систематических групповых хищений в особо крупных размерах. Что этому способствует?

Ответ. Систематичность преступной деятельности становится возможной в случае, когда в нее вовлекаются некоторые руководители торговой или производственной структуры, правоохранительных органов, государственные и политические руководители, служащие контролирующих инстанций путем их подкупа. Только по одному уголовному делу в системе московских гастрономов было выявлено хищений на сумму 3 млн. руб., причем $^{3}/_{4}$ полученного в виде взяток было использовано для дачи взяток «наверх». Тем самым подрывается действенный государственный контроль за деятельностью соответствующих должностных лиц. Он заменя-

ется преступной структурой, складывающейся из лиц, связанных подкупом и круговой порукой. Взяточничество приобретает структурно-определенные черты. Расследование хищений в торговой сети Ростова и Ростовской области показало наличие стабильной преступной группы, где подчиненные воровали для себя и для вышестоящих должностных лиц, где взятка служила «цементом» для преступной круговой поруки.

Вопрос. Кто же может реально противостоять «смычке» расхитителей, взяточников с их покровителями на разных уровнях, управляющих и контролирующих органов?

Ответ. Прежде всего — экономически независимые, организационно и юридически полноправные социалистические предприятия. Независимым производителям не за что давать взятки, и они не потерпят хищений (кто же крадет у себя самого?). Полный хозрасчет (а он и может быть либо полный, либо «никакой») несовместим ни с бюрократическим своеволием, ни с преступной корыстью.

Только независимые предприятия производят то, что нужно, и спрос потребителя влияет на цену произведенной ими продукции. Тогда и будет положен конец стихийному возникновению производства и распределению товаров и услуг в обход регулирования этого процесса государством; прекратится распределение товаров и услуг через государственную сеть, однако с взысканием разницы между формальной ценой и фактической, определенной соотношением спроса и предложения. По существу, эта разница незаконно изымается лицами, распределяющими товары и услуги и злоупотребляющими служебным положением.

Вопрос. Не связано ли существование неформальной системы производства и распределения с ослаблением роли денег как всеобщего эквивалента?

Ответ. Безусловно. Заработная плата выплачивается, как известно, в виде денег, однако распределение товаров и услуг в подобной ситуации зависит не от заработной платы, отражающей в принципе вклад индивида в общественное производство, а от возможности проникновения в сеть фактического распределения. Кроме того, заработная плата, ее размер ориентированы на официально установленные цены на товары и услуги. Однако там, где ножницы между фор-

мальной и фактической ценой становятся значительно большими, товар (и услуги) исчезают с официального прилавка или мастерской и продаются либо из-под прилавка, либо через «заднюю дверь», но уже не по официальной, а по реальной цене соответствующего товара или услуги. Ослабляется стимул к производительному труду за нереальную зарплату, поскольку прибыль идет в руки продавцу — вымогателю и спекулянту, а не тому, кто произвел товар.

Вопрос. Итак, в чем же вы видите решающий фактор преодоления преступности в сфере экономики в ее нынешнем виде?

Ответ. Законный экономический интерес индивидуального труженика, кооператива, колхоза, совхоза, промышленного предприятия, получающий возможность для своего удовлетворения путем адекватного вознаграждения, прибыли, законного дохода, полученного за честный труд, прямо противостоит социальному паразитизму — растратам, кражам на производстве, хищениям, взяточничеству. Бюрократические преграды на пути развертывания высокоэффективного производства — не эксцесс отдельных должностных лиц, а элемент механизма торможения перестройки.

Вопрос. Какие же конкретно изменения положат конец «теневой» экономике?

Ответ. Если победит реальная, а не показная оптовая торговля средствами производства в промышленности, если будет развиваться производство, если во всех случаях будут устанавливаться цены, определяемые спросом и предложением, — в этих условиях просто не останется места для преступной наживы спекулянта и вымогателя поборов.

И последнее. Прямой ущерб от этих преступлений — лишь часть, и не самая большая, общих потерь в экономике от бесхозяйственности, «дутого» планирования и незаработанных выплат, приписок и показухи, омертвления запасов и выпуска никому не нужной продукции. Одно неотделимо от другого и может быть только вместе и преодолено.

Жизнь не стоит на месте. Переход к рыночным отношениям в экономике означает отказ от государственной монополии на собственность. Нормы уголовного права, которые признают преступлениями частнопредпринимательскую деятельность, коммерческое посредничество, а также спекуляцию, должны быть отменены или изменены так, чтобы защитить и обеспечить законные интересы экономически свободных производителей и потребителей.

Закон «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле» от 31 октября 1990 г. предусматривает, что ответственность за спекуляцию наступает только в случае, если имеет место скупка товаров, на которые установлены государственные розничные цены, в предприятиях (организациях) торговли [1].

---

[1] Подробнее этот Закон см. в Приложении.

КОДЕКС ЗАКОНОВ О ТРУДЕ РСФСР

(Извлечение)

Статья 121. Случаи полной материальной ответственности рабочих и служащих

Рабочие и служащие в соответствии с законодательством Союза ССР несут материальную ответственность в полном размере ущерба, причиненного по их вине предприятию, учреждению, организации, в следующих случаях:

1) когда ущерб причинен действиями работника, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке;

2) когда в соответствии с законодательством Союза ССР на работника возложена полная материальная ответственность за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации при исполнении трудовых обязанностей;

3) когда между работниками и предприятием, учреждением, организацией в соответствии со статьей 121[1] настоящего Кодекса заключен письменный договор о принятии на себя работником полной материальной ответственности за необеспечение сохранности имущества и других ценностей, переданных ему для хранения или для других целей;

4) когда ущерб причинен не при исполнении трудовых обязанностей;

5) когда имущество и другие ценности были получены работником под отчет по разовой доверенности или по другим разовым документам;

6) когда ущерб причинен недостачей, умышленным уничтожением или умышленной порчей материалов, полуфабрикатов, изделий (продукции), в том числе при их изготовлении, а также инструментов, измерительных приборов, специальной одежды и других предметов, выданных предприятием, учреждением, организацией работнику в пользование;

7) когда ущерб причинен работником, находившимся в нетрезвом состоянии (в ред. Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 декабря 1976 г. и от 20 декабря 1983 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1977. — № 1. — Ст. 1; 1983.— № 51. — Ст. 1782).

Статья 121[1]. Письменные договоры о полной материальной ответственности

Письменные договоры о полной материальной ответственности могут быть заключены предприятием, учреждением, организацией

с работниками (достигшими 18-летнего возраста), занимающими должности или выполняющими работы, непосредственно связанные с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей В соответствии с законодательством Союза ССР перечень таких долж ностей и работ, а также типовой доровор о полной индивидуаль ной материальной ответственности утверждаются в порядке, опре деляемом Советом Министров СССР (введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 декабря 1976 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР – 1977 — № 1 — Ст 1)

Статья 121[2]. **Коллективная (бригадная) материальная ответственность**

При совместном выполнении рабочими и служащими отдельных видов работ, связанных с хранением, обработкой, продажей (отпуском), перевозкой или применением в процессе производства переданных им ценностей, когда невозможно разграничить матери альную ответственность каждого работника и заключить с ним договор о полной материальной ответственности, может вводиться коллективная (бригадная) материальная ответственность.

Коллективная (бригадная) материальная ответственность уста навливается администрацией предприятия, учреждения, организа ции по согласованию с профсоюзным комитетом предприятия, уч реждения, организации. Письменный договор о коллективной (бри гадной) материальной ответственности заключается между пред приятием, учреждением, организацией и всеми членами коллектива (бригады).

Перечень работ, при выполнении которых может вводиться коллективная (бригадная) материальная ответственность, условия ее применения, а также типовой договор о коллективной (бригад ной) материальной ответственности в соответствии с законодательством Союза ССР утверждаются Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам совместно с ВЦСПС (введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 декабря 1976 г., в ред. Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1980 г. и от 20 декабря 1983 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1977. — № 1 — Ст 1; 1980. — № 34. — Ст. 1063; 1983. — № 5. — Ст. 1782).

Статья 121[3]. **Определение размера ущерба, причиненного предприятию, учреждению, организации**

Размер причиненного предприятию, учреждению, организации ущерба определяется по фактическим потерям, на основании данных бухгалтерского учета, исходя из балансовой стоимости (себе-

стоимости) материальных ценностей за вычетом износа по установленным нормам.

При хищении, недостаче, умышленном уничтожении или умышленной порче материальных ценностей ущерб определяется по государственным розничным ценам. В соответствии с законодательством Союза ССР при отсутствии на данный вид материальных ценностей розничных цен ущерб определяется по ценам, исчисленным в порядке, устанавливаемом Государственным комитетом СССР по ценам (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1980 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР — 1980. — № 34. — Ст. 1063).

На предприятиях общественного питания (на производстве и в буфетах) и в комиссионной торговле размер ущерба, причиненного хищением или недостачей продукции и товаров, определяется по ценам, установленным для продажи (реализации) этой продукции и товаров.

Размер возмещаемого ущерба, причиненного по вине нескольких работников, определяется для каждого из них с учетом степени вины, вида и предела материальной ответственности (введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 декабря 1976 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1977 — № 1 — Ст. 1).

Статья 122. Порядок возмещения ущерба, причиненного предприятию, учреждению, организации

Возмещение ущерба рабочими и служащими в размере, не превышающем среднего месячного заработка, производится по распоряжению администрации предприятия, учреждения, организации, а руководителями предприятий, учреждений, организаций и их заместителями — по распоряжению вышестоящего в порядке подчиненности органа путем удержания из заработной платы работника. Распоряжение администрации или вышестоящего в порядке подчиненности органа должно быть сделано не позднее двух недель со дня обнаружения причиненного работником ущерба и обращено к исполнению не ранее семи дней со дня сообщения об этом работнику. Если работник не согласен с вычетом или его размером, трудовой спор по его заявлению рассматривается в порядке, предусмотренном законодательством (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1986. — № 23. — Ст. 638).

В остальных случаях возмещение ущерба производится путем предъявления администрацией иска в районный (городской) народный суд.

Если администрация в нарушение порядка, установленного частями первой и второй настоящей статьи, произвела удержание из

заработной платы рабочего или служащего, то орган по рассмотрению трудовых споров принимает, по жалобе работника, решение о возврате незаконно удержанной суммы (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 декабря 1983 г — Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1983. — № 51. — Ст 1782)

Взыскание с руководителей предприятий, учреждений, организаций и их заместителей материального ущерба в судебном порядке производится по иску вышестоящего в порядке подчиненности органа или по заявлению прокурора.

Возмещение ущерба производится независимо от привлечения работника к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действие (бездействие), которым причинен ущерб предприятию, учреждению, организации (в ред. Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 декабря 1976 г. и от 28 мая 1986 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР — 1977 — № 1 — Ст 1; 1986. — № 23. — Ст. 638)

Закон СССР «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле» от 31 октября 1990 г.

В связи с усилившимися негативными явлениями на потребительском рынке и использованием этих обстоятельств в целях извлечения незаконных доходов и необходимостью усиления ответственности за спекуляцию и злоупотребления в торговле в период стабилизации народного хозяйства при переходе к рыночной экономике Верховный Совет СССР постановляет·

Статья 1. Спекуляция, то есть скупка товаров, на которые установлены государственные розничные цены, в предприятиях (организациях) торговли, а равно иных предприятиях, осуществляющих реализацию товаров населению, и их перепродажа с целью наживы —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом до пяти тысяч рублей.

Спекуляция, совершенная неоднократно, или в крупных размерах, или по предварительному сговору группой лиц, а равно работником торговли с использованием своего служебного положения, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или штрафом до пятнадцати тысяч руб.

Спекуляция в особо крупных размерах или совершенная лицом, ранее судимым за спекуляцию, или организованной группой, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

Статья 2. Установить, что часть первая статьи 1 настоящего Закона применяется в тех случаях, когда размер наживы составляет свыше ста рублей до двух тысяч рублей.

Под спекуляцией в крупных размерах следует понимать спекуляцию, размер наживы от которой составляет свыше двух тысяч рублей до десяти тысяч рублей, а под спекуляцией в особо крупных размерах — свыше десяти тысяч рублей.

Статья 3. Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий (организаций) государственной торговли (общественного питания) и потребительской кооперации в нарушение установленных правил, а равно сокрытие товаров от покупателей, совершенные должностным лицом предприятия (организации) государственной торговли (общественного питания) и потребительской кооперации с использованием своего служебного положения, —

наказываются лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до одной тысячи рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий (организаций) государственной торговли (общественного питания) и потребительской кооперации в нарушение установленных правил, а равно сокрытие их от покупателей, совершенные по предварительному сговору группой лиц, либо неоднократно должностным лицом, либо в крупных размерах, —

наказываются лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом до пяти тысяч рублей, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий (организаций) государственной торговли (общественного питания) и потребительской кооперации в нарушение установленных правил, а равно сокрытие их от покупателей, совершенные в особо крупных размерах или лицами, ранее судимыми за преступления, предусмотренные настоящей статьей, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Статья 4. Крупным размером продажи и сокрытия товаров, предусмотренным статьей 3 настоящего Закона, следует считать продажу и сокрытие продуктов питания на сумму не менее пятисот рублей, других товаров на сумму не менее двух тысяч рублей,

а особо крупным размером — на сумму не менее десяти тысяч рублей.

Статья 5. Искусственное поднятие и поддержание высоких цен на товары народного потребления перекупщиками или иными лицами путем сговора, насилия или угрозы его применения —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом до пяти тысяч рублей.

Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные настоящей статьей, —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или штрафом до десяти тысяч рублей.

Статья 6. Незаконная торговая деятельность, то есть осуществление сделок по купле и продаже товаров или иных предметов с уклонением от регистрации в установленном порядке с целью получения неконтролируемой государством прибыли, если эти действия совершены после наложения административного взыскания за нарушение порядка занятия индивидуальной трудовой деятельностью в сфере торговли, либо по предварительному сговору группой лиц, либо с извлечением прибыли в крупных размерах, —

наказывается лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом до пяти тысяч рублей.

Незаконная торговая деятельность, совершенная организованной группой, либо с извлечением неконтролируемой государством прибыли в особо крупных размерах, либо лицом, ранее судимым за данное преступление или спекуляцию, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без таковой или штрафом до пятнадцати тысяч рублей, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет.

Статья 7. Крупным размером неконтролируемой государством прибыли, предусмотренным статьей 6 настоящего Закона, следует считать прибыль на сумму не менее трех тысяч рублей, а особо крупным размером — на сумму не менее пятнадцати тысяч рублей.

Статья 8. Продажа в предприятиях торговли (общественного питания), принадлежащих гражданам на праве собственности, или в кооперативах товаров, выделяемых из государственных рыночных фондов или приобретенных ими в розничной сети, по ценам, превышающим установленные розничные цены на эти товары, с нарушением установленных правил торговли —

влечет наложение административного взыскания на лицо, при-

нявшее решение о повышении цен, в виде штрафа в размере до одной тысячи рублей с конфискацией таких товаров.

Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные повторно, —

влекут наложение административного взыскания в виде штрафа в размере до трех тысяч рублей с конфискацией таких товаров

Статья 9. Установить, что протоколы о нарушениях, предусмотренных статьей 8 настоящего Закона, составляются работниками органов внутренних дел, должностными лицами налоговых инспекций или иными должностными лицами, уполномоченными на то Советами народных депутатов.

Дела о таких нарушениях рассматриваются народными судьями единолично.

По делам о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 3 настоящего Закона, производится досудебная подготовка материалов в протокольной форме в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством союзных республик.

Предварительное следствие по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 1, частями второй и третьей статьи 3, а также статьями 5 и 6 настоящего Закона, производится следователями органов внутренних дел.

Статья 10. В связи с принятием настоящего Закона внести в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 44, ст 909; 1987, № 22, ст. 312; 1988, № 31, ст 506, Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 15, ст. 247) следующие изменения и дополнения:

в части второй статьи 14 слова «штраф до трехсот рублей» заменить словами «штраф до трех тысяч рублей»;

пункт 5 статьи 26 и часть первую статьи 30 после слов «законодательными актами СССР» дополнить соответственно словами «и союзных республик»

Статья 11. Настоящий Закон ввести в действие с момента опубликования

ИЗ ЗАЛА СУДА

6 марта 1990 г Бауманский районный народный суд Москвы рассмотрел в открытом судебном заседании дело Воронцова А. В., 1941 г. рождения, с высшим техническим образованием, кандидата технических наук, работавшего старшим научным сотрудником Центрального научно-исследовательского и проектного экспериментального института организации, механизации и технической помощи строительству. Он обвиняется по ст 17, 173 ч. 2 УК РСФСР

[1] Фамилии и имена изменены.

В суде было установлено, что Воронцов А. В [1] виновен в неоднократном получении взяток при следующих обстоятельствах. Работая старшим научным сотрудником во Всесоюзном заочном институте инженеров железнодорожного транспорта по договоренности с профессором Юдиным А. А., ставшим с октября 1984 г. профессором-консультантом кафедры «Изыскания, проектирование и строительство железных дорог» того же института, являвшимся должностным лицом и обладавшим правом приема курсовых экзаменов и зачетов по предметам: «Машины и механизмы», «Строительные работы и машины», «Технология и механизация железнодорожного строительства», «Организация, планирование и управление строительным производством», «Организация, экономика и планирование строительного производства», в период с декабря 1980 г. по январь 1986 г., действуя как пособник, получал от студентов ВЗИИТа взятки за обеспечение беспрепятственной сдачи экзаменов и получение зачетов по указанным учебным дисциплинам и затем их делил с Юдиным А. А. Преступную деятельность продолжал и после увольнения из ВЗИИТа в декабре 1982 г. Воронцов получал взятки у некоторых студентов в размере 80 руб. и 50 руб. и делил их с профессором Юдиным А. А., который ставил этим студентам положительные оценки за экзамены по указанным предметам. Все студенты, которые давали взятки Воронцову для передачи профессору, подтвердили свои показания в суде. Кроме того, виновность Воронцова подтверждается также экзаменационными ведомостями о сдаче соответствующими студентами экзаменов профессору Юдину по названным предметам.

Неубедительными считает суд и показания подсудимого Воронцова на предварительном следствии о том, что все суммы взяток, полученных от студентов, он передавал профессору Юдину, не оставляя себе и не получая от профессора ничего. Совместную с Юдиным преступную деятельность Воронцов продолжал и после увольнения из ВЗИИТа, т. е. после того, как отпали причины, побудившие Воронцова, если исходить из его показаний, пойти на совершение преступления: зависимость от Юдина по работе, обещание последнего оказать содействие в приобретении кооперативной квартиры. Суд объясняет это тем, что Воронцов был материально заинтересован в дележе взяток. Об этом, в частности, свидетельствует наличие у Воронцова крупного денежного вклада в сберегательной кассе. Появление и рост этого вклада относятся к периоду совершения Воронцовым преступления. Характерным является и то обстоятельство, что после прекращения Воронцовым преступной деятельности в январе 1986 г. денежный вклад, достигший к этому времени суммы в размере 22 050 руб., стал уменьшаться и к июлю 1987 г. (ко времени задержания и ареста подсудимого) составил 18 398 руб. 68 к. Показания подсудимого в суде о том, что деньги, находящиеся на его вкладе в сберегатель-

ной кассе, в основном деньги его родителей, объективно подтверждаются лишь частично. Как видно из копий личных счетов в сберегательных кассах его родителей, с их счетов были сняты следующие денежные суммы: со счета отца в 1980—1981 гг. — 500 руб. и со счетов матери в период с 1980 по 1983 г. — 9150 руб., т. е. всего 9650 руб. Отцом подсудимого в декабре 1981 г. в Москве в сберегательной кассе был открыт счет с начальным вкладом 5 тыс. руб. с правом распоряжения вкладом подсудимым Воронцовым. К моменту закрытия счета к ноябрю 1984 г. на счете находилось уже 16 265 руб. При этом отцом подсудимого на указанный счет, помимо 5 тыс. руб., было внесено еще только 600 руб. Все остальные поступления денежных сумм на счет произведены подсудимым или составляют проценты по вкладу. По мнению суда, иметь подобные сбережения за счет заработной платы Воронцов не мог: его заработок во время работы во ВЗИИТе, без учета удержаний не превышал 180 руб. в месяц, в дальнейшем был около 300 руб. в месяц.

Помимо указанных эпизодов получения Воронцовым взяток от студентов, ему вменен еще ряд аналогичных эпизодов, однако суд находит их как недоказанные и подлежащими исключению. Будучи профессором (а с октября 1984 г. — профессором-консультантом ВЗИИТа) и пользуясь правом приема от студентов экзаменов и зачетов, Юдин выполнял организационно-распорядительные функции. От него, т. е. от результатов принимаемых им экзаменов и зачетов, зависели переход студентов с одного курса на другой или их отчисление из института.

Воронцов, не являясь должностным лицом, действовал в данном случае как соучастник-пособник, вступая со студентами, решившими дать взятку, в контакт, получая от них деньги и делясь ими с профессором. Причем его роль не сводилась только к роли посредника. Он передавал студентам за взятки «болванки» курсовых проектов, в случае дачи взятки группой студентов передавал Юдичу список этих студентов. Воронцов отдавал профессору зачетные книжки, а затем возвращал их студентам с отметкой о сдаче экзаменов и зачета, несмотря на то что студенты их не сдавали. При назначении наказания Воронцову суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, которое является тяжким, а также данные о личности подсудимого, а именно то, что по работе он характеризуется положительно. С учетом того, что преступление, совершенное Воронцовым, связано с осуществлением учебно-воспитательных функций, суд в соответствии со ст. 29 УК РСФСР назначает ему дополнительное наказание в виде лишения права заниматься преподавательской деятельностью. С заключением экспертной комиссии о вменяемости Воронцова суд согласен.

С Воронцова в доход государства суд взыскивает расходы по

делу, связанные с вызовом на предварительное следствие и в суд свидетелей по эпизодам, по которым суд признал его виновным,— 1157 руб. 37 коп., а также суммы взяток по указанным эпизодам— 2720 руб.

В соответствии со ст. 301, 303 и 315 УПК РСФСР суд приговорил: Воронцова признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 17, 173 ч. 2 УК РСФСР (в редакции от 28 мая 1986 г.) и назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 5 (пять) лет с конфискацией имущества с лишением права в соответствии со ст. 29 УК РСФСР заниматься преподавательской деятельностью в учебных заведениях Советского Союза на срок 5 лет в качестве дополнительного наказания. Для отбытия наказания направить в исправительно-трудовую колонию усиленного режима. Зачесть Воронцову в срок отбытия наказания нахождение под стражей по настоящему делу с 20 июля 1987 г. по 16 февраля 1989 г., т. е. 1 год 6 месяцев 27 дней, и к отбытию считать 3 года 5 месяцев 3 дня лишения свободы. Взять Воронцова под стражу в зале суда и срок отбытия наказания исчислять с 6 марта 1990 г.

Конфискацию имущества обратить на деньги Воронцова в сумме 255 руб., изъятые у него и сданные по квитанции в бухгалтерию Московской транспортной прокуратуры, а также на его денежный вклад в сумме 18 тыс. 398 руб. 68 копеек на счете в сберегательном банке. Взыскать с Воронцова в доход государства, обратив взыскание на указанный денежный вклад 2720 (две тысячи семьсот двадцать) руб. — сумму полученных Воронцовым взяток, а также 1157 (одну тысячу сто пятьдесят семь) рублей — расходы по делу.

А. П. АВИЛОВ

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Что такое «испытание при приеме на работу»?

Уважаемые читатели! Рискуя показаться банальной, повторю уже ставшую избитой истину: мы живем во времена перемен. Вся страна с волнением следит за переменами на политической арене, за новыми веяниями в экономике, за изменениями в законодательстве. И это естественно, ведь то, что происходит в государстве, неизбежно отражается на судьбе его граждан. А граждане, хотя и прониклись тем, что живут в переломный момент истории, тем не менее хотят иметь нормальное жилье, хорошую семью, интересную работу.

Итак, поговорим о новой интересной работе для вас и о том,

с чем вы можете столкнуться, когда ее найдете. Дело в том, что ситуация на «рынке труда» — а такое понятие появилось и у нас — сейчас непростая. Предприятия и организации хоть и медленно, но все же обретают самостоятельность. В таких условиях реально могут существовать лишь те из них, где работают специалисты достаточно высокой квалификации. Значит, неизбежен строгий отбор новых работников. Вы скажете, что пришли не с улицы, а вас порекомендовал Виктор Иванович, известный своим высоким профессионализмом. Боюсь, что это не избавит вас от проверки подготовленности к новой работе.

Действующим законодательством о труде предусмотрено право администрации любого предприятия, учреждения, организации, куда вы обратитесь с заявлением о приеме на работу, предложить вам пройти испытательный срок. Именно предложить, а не навязать, как это еще бывает. В статье 11 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде так и сказано: «При заключении трудового договора может быть обусловлено соглашением сторон испытание с целью проверки соответствия рабочего или служащего поручаемой ему работе». Следовательно, еще до того, как вы приступите к работе, в числе прочих условий трудового договора должен быть определен сторонами (т. е. работником и администрацией) испытательный срок. Условие об испытании должно быть указано в приказе (распоряжении) о приеме на работу (ч. 1 ст. 21 КЗоТ РСФСР). Допустим, вы проработали несколько дней на новом месте, подходит к вам кадровик и говорит: «А кстати, забыл предупредить, что мы вас взяли с испытательным сроком...» Имейте в виду, что такие действия совершенно незаконны. Если администрация и работник заранее не договорились об испытании, то этот рабочий или служащий считается принятым на постоянную работу без всяких дополнительных условий.

Что же будет, если администрация предложит вам пройти испытание, а вы не согласитесь? В общем, ничего особенно хорошего — просто с вами не будут заключать трудовой договор. Хотите работать — соглашайтесь.

К примеру, приехал на завод по направлению молодой специалист. Посмотрели на него, на направление и решили: какой-то он и в самом деле молодой да и специалист ли? Давайте-ка установим ему испытательный срок, а там поглядим. Соответствует это закону? Нет, не соответствует. Существуют определенные категории работников, которым испытание при приеме на работу не устанавливается. К ним относятся: лица, не достигшие 18 лет, молодые рабочие по окончании профессионально-технических учебных заведений; молодые специалисты по окончании высших и средних специальных учебных заведений; инвалиды Отечественной войны (и приравненные к ним), направленные на работу в счет брони. Испытание не устанавливается также при приеме на работу в другую

местность и при переводе на работу на другое предприятие, в учреждение, организацию (ч. 3 ст. 21 КЗоТ РСФСР).

Работник и администрация должны предварительно договориться не только о самом факте испытания, но и о его продолжительности. Разумеется, поступая на работу, вы заинтересованы в том, чтобы испытательный срок был как можно короче. Законодательство устанавливает максимальную длительность испытания: она не может превышать трех месяцев, а в отдельных случаях по согласованию с профсоюзным комитетом — шести месяцев (ч. 1 ст. 22 КЗоТ РСФСР). Согласитесь, это немало. Три или даже шесть месяцев неопределенности... Тяжеловато! Но ведь есть такая работа, в особенности творческая, где степень подготовленности к ней сразу и не определишь. Это можно сделать во время испытательного срока достаточной продолжительности. Однако хочу вас успокоить: на практике испытание таким длительным бывает редко. Обычно администрация сама заинтересована в том, чтобы работник трудился с перспективой и чувствовал себя полноправным членом коллектива.

Предположим, инженеру С. был установлен месячный испытательный срок. Он приступил к работе, а через неделю заболел и вышел на работу только через два с половиной месяца. Что же, получается, он испытание прошел? Нет, это не так. Испытательный срок для того и существует, чтобы администрация могла ознакомиться с деловыми качествами работника. А как она их может оценить, если человек практически весь период испытания отсутствовал?! Законодательство о труде на такого работника полностью распространяется, и он имеет право на получение пособия за все время нетрудоспособности (по больничному листу). Но в испытательный срок период болезни и другие периоды, когда работник отсутствовал на работе по уважительным причинам, не засчитываются (ч. 2 ст. 22 КЗоТ РСФСР). Значит, испытание инженера С. продлевается на три недели, начиная со дня его выхода на работу после выздоровления.

Допустим, испытательный срок у вас заканчивается 30 октября, но вот уже наступил ноябрь, приближаются праздники, а администрация молчит, и вы в недоумении: выдержан испытательный срок или нет? По этому поводу законодательство предусматривает следующее: «Если срок испытания истек, а рабочий или служащий продолжает работу, он считается выдержавшим испытание, и последующее расторжение трудового договора допускается только на общих основаниях» (ч. 1 ст. 23 КЗоТ РСФСР). Короче говоря, как не выдержавшего испытание вас уволить нельзя, а по другим причинам, установленным законом, можно.

Теперь рассмотрим другую ситуацию. К сожалению, на работе вами недовольны. Считают, что ваши профессиональные качества не подходят к занимаемой вами должности. Тогда результаты

испытания администрация признает неудовлетворительными. Она освобождает работника от работы без согласования с профкомом предприятия, учреждения, организации и без выплаты выходного пособия (ч. 2 ст. 23 КЗоТ РСФСР).

Конечно, увольнение в связи с неудовлетворительными результатами испытания — это не прихоть руководителя, которому не понравилась ваша манера одеваться или реплики на собрании трудового коллектива. Расторжение трудового договора должно основываться на доказанном (документами, свидетельскими показаниями и т. п.) несоответствии деловых качеств работника выполняемой работе. В законе не закреплена обязанность администрации представить такие доказательства увольняемому. Но этот рабочий или служащий вправе обжаловать такое освобождение от работы в районный (городской) народный суд, который непременно затребует подтверждения некомпетентности работника.

Администрация должна определить, соответствует ли работник выполняемой работе, в период испытательного срока. Следовательно, уволить работника в связи с тем, что он не выдержал испытание, можно до истечения этого срока. Например, испытание заканчивается (в соответствии с приказом о приеме на работу) 2 сентября, а 3 сентября издается уже приказ об увольнении на основании ст. 23 КЗоТ РСФСР. Ясно, что здесь такой приказ запоздал: с 3 сентября этот рабочий или служащий считается выдержавшим испытание даже в том случае, когда администрация располагает неоспоримыми доказательствами его несоответствия выполняемой работе. Правильным было бы издание приказа об увольнении ранее 2 сентября.

М. поступила на работу в качестве экономиста с месячным испытательным сроком. Уже через несколько дней стало очевидно, что она совершенно не справляется с работой. Ее предупредили, что испытание она не выдержала и будет уволена. Через день М. представила медицинское заключение о том, что она ждет ребенка. Можно ли ее уволить в такой ситуации? Нет, нельзя. Увольнение беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет, по инициативе администрации не допускается, кроме случаев полной ликвидации предприятия, учреждения, организации, когда допускается увольнение с обязательным трудоустройством (ч. 2 ст. 170 КЗоТ РСФСР).

И последнее. Перед тем, как идти в суд, не забудьте обратиться за квалифицированной помощью в юридическую консультацию.

к. ю. н. Г. МЕДВЕДЕВА

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Продолжаем вас знакомить с фольклором Индии

Зрячий слепец, Честь торговли, Живая жемчужина, Базарная кровать и Путь в преисподнюю

На основе Ланка правил в те времена царь Мурсингх. Слыл он могущественным, смелым и хитрым правителем. И однажды решил Мурсингх испытать делийского падишаха Акбара: так ли он мудр, как о нем говорят?

И вот прислал царь Мурсингх падишаху Акбару письмо, где было сказано: «Должен ты мне представить Зрячего слепца, Честь торговли, Живую жемчужину, Базарную кровать и Путь в преисподнюю. А не сможешь представить — готовься к войне!»

Падишах сразу понял: такая задача не по нему. И обратился к советникам, сказал им, если за месяц не представят все, чего требует Мурсингх, всем им болтаться на виселице. Придворные не на шутку перепугались. Они бы рады выполнить повеление падишаха, да не знают, как это сделать. То ли призвать искусного мастера, то ли в руднике добывать все это. Советники поняли им с этим делом не справиться. Что это за вещи? Где их искать? И главное — что они означают?

Собрали советники побольше денег, пришли к Бирбалу и говорят:

— Мудрый Бирбал, мы не знаем, где взять то, что требует царь Мурсингх. Вот мы собрали тебе пятьдесят тысяч рупий. Возьми, только выручи нас!

Пожалел их Бирбал и решил взяться за это дело.

Пришел Бирбал к падишаху Акбару и сказал:

— Повелитель! Не могут твои советники найти то, что требует царь Мурсингх. И не могут потому, что о таком у нас и не слыхивали. Царь Мурсингх требует Зрячего слепца, Честь торговли, Живую жемчужину, Базарную кровать и Путь в преисподнюю. Видно, все это есть на острове Ланка. Значит, там и надо все это искать. Дозволь мне туда отправиться тотчас.

Падишах обрадовался, велел выдать Бирбалу из казны и сокровищницы все, что ему потребуется, и проводил его в дальний путь, а заодно и письмо написал для передачи царю Мурсингху.

Долго ли, скоро ли, прибыл Бирбал на остров Ланка и снял себе дом побогаче. Начал он выходить в самых пышных одеждах, начал с людьми знакомиться и ко всему присматриваться. И все на него смотрели, потому что человек он был приметный. А когда

его спрашивали: кто он, откуда? — Бирбал с важностью отвечал:

— Я главный советник кашмирского раджи!

Так познакомился он со знаменитыми сардарами[1] и знатными людьми острова. И со многими завязалась у него крепкая дружба.

Но день шел за днем, а Бирбал все не мог найти того, что требовал царь Мурсингх.

И вот однажды разоделся Бирбал в пышные одежды и вместе со слугой отправился к одному из самых богатых ростовщиков острова Ланка. Пришел к нему в дом со всей своей свитой, встал перед ним и приветствовал его. Но ростовщик не обратил на него внимания; он сидел и считал свои барыши.

Подождав немного, Бирбал смиренно обратился к нему:

— Сетх-джи[2], у меня к тебе небольшое дело.

— Видишь, я занят, — сердито ответил ростовщик. — Закончу, тогда и поговорим.

Еще подождал Бирбал, но ростовщик на него даже не смотрел. Только закончив все свои дела, наконец соизволил он спросить Бирбала:

— Ну, что там у тебя за дело?

— Сетх-джи, — начал Бирбал. — Я житель Кашмира, главный советник кашмирского раджи. Прибыл я сюда по повелению моего господина. Задумал он выдать свою дочь за сына вашего царя. Но царь Мурсингх хочет сразу получить все приданое. А у меня с собой только часть. За остальным отправил я своего доверенного слугу. Через десять дней он доставит мне десять тысяч рупий. Но они мне нужны сейчас. Если я не достану их сегодня же, все дело может расстроиться. Поэтому прошу тебя одолжить мне десять тысяч рупий — через десять дней я все верну с процентами.

— Ничем не могу помочь, — сердито ответил ростовщик. Я тебя не знаю. Как могу я доверить деньги совсем незнакомому человеку?

— Но прошу тебя, войди в мое положение! — взмолился Бирбал — У меня нет выхода. И я не на годы прошу, а всего на десять дней. Сделай милость! Назначь какой угодно процент. Ведь, кроме тебя, самого знаменитого и богатого ростовщика на Ланке, мне идти больше некуда. Прошу тебя, не откажи!

Пока Бирбал говорил, ростовщик его внимательно разглядывал и думал: «Об этом советнике раджи кашмирского я наслышан. Одежда на нем богатая, самое малое тысяч семь рупий стоит, Дельце как будто выгодное. Десять тысяч всего на десять дней, — а куш можно сорвать немалый. Отказываться глупо, надо только его поприжать».

И когда Бирбал закончил, ростовщик сказал:

[1] Сардар — правитель, военачальник.

[2] Сетх — ростовщик.

— Так и быть, раз уж ты так униженно просишь, дам тебе денег взаймы. Цени мою доброту! Но знай: процент будет немалый, и я его сразу вычту. Пиши расписку на одиннадцать тысяч рупий!

Бирбал на все согласился, написал расписку на одиннадцать тысяч рупий и скрепил свою подпись отпечатком перстня падишаха. Лишь тогда ростовщик отсчитал ему десять тысяч рупий. Взял Бирбал деньги, поблагодарил жадного ростовщика и ушел. На следующий день оделся Бирбал попроще и отправился к другому ростовщику по имени Даярам. Тот пригласил Бирбала в дом, усадил, начал вежливо расспрашивать о здоровье, о делах и лишь потом осведомился, чем может помочь чужестранцу.

Бирбал рассказал ему ту же самую историю, что и первому ростовщику.

Даярам сразу поверил Бирбалу. Он придерживался заповеди: «Помогать друг другу — долг каждого». Поэтому он занес имя Бирбала в свою книгу и выдал ему десять тысяч, удержав всего по четыре аны[1] с каждой рупии. Бирбал сердечно поблагодарил Даярама, взял деньги и пошел домой.

В этом же городе жила вешья по имени Рупавати. Она отличалась кротостью и постоянством. Если кому-нибудь обещала, то слову своему никогда не изменяла, сколько бы денег ей ни предлагали другие.

Бирбал со слугой послал ей двадцать пять рупий и велел передать, что сегодня вечером к ней придет. Вешья приветливо выслушала слугу и сказал, что согласна — пусть господин приходит, она будет его ждать.

Как только слуга ушел, вешья принялась готовиться к встрече с Бирбалом. У нее было так заведено — того, с кем она договаривалась, она встречала, как если бы он был ее настоящим супругом. Рупавати напекла для Бирбала лепешек, накупила фруктов, сладостей и других всевозможных угощений. А для развлечения принесла и разложила на столике шахматы и игральные карты.

Когда все было готово, она села и стала ждать, как верная жена своего любимого мужа.

Пробило одиннадцать часов, наступила полночь, а Бирбала все не было. От долгого ожидания притомилась Рупавати, прилегла на коврик возле ложа, — потому что не было с ней ее господина — и задремала.

Но вот явился Бирбал и начал громко стучать. Спросонок Рупавати не сразу поняла, кто стучит в ее дверь, не сразу открыла. А когда открыла, обозленный Бирбал набросился на нее, размахивая плетью.

---

[1] Ана — мелкая индийская монета, $^{1}/_{16}$ рупии.

Бедная Рупавати смиренно просила прощения, но он хлестнул ее плетью еще и еще.

И тогда не обиделась Рупавати, без упрека приняла наказание, как покорная жена от сурового мужа.

Успокоился Бирбал, смягчился. Он провел с Рупавати ночь и лишь утром, довольный, вернулся домой.

На следующий день зашел Бирбал к другой вешье, сварливой, лукавой и злобной. Увидела она Бирбала и сразу смекнула: это чужестранец и, как видно, богатый! И задумала вешья его обобрать. Потащила Бирбала к себе наверх, принялась угощать его бетелем.

— Сколько ты берешь за ночь? — спросил Бирбал.

— Ах, господин, обычно я беру всего пять рупий, — ответила хитрая вешья, — но ты человек богатый и знатный. Поэтому полагаюсь на твою щедрость.

— Ладно, я плачу вдвое! — сказал Бирбал. — Приду к тебе вечером, а сейчас у меня дела.

Вечером облачился Бирбал в одежды побогаче, надел драгоценные украшения и один, без слуги, отправился к вешье.

А та уже приготовилась. Еще днем позвала она четырех молодцов и до вечера с ними кутила и забавлялась. Когда же пришел Бирбал, велела злобная вешья молодчикам схватить его, оглушить и обобрать до нитки.

И вот впустила она Бирбала и принялась с ним заигрывать. Привела его к себе наверх со смехом и шуточками. Сказала:

— Садись, подожди, я сейчас принесу вина!

А сама спустилась к своим молодчикам и приказала:

— Делайте свое дело.

Поднялись тихонько все четверо наверх, внезапно набросились на Бирбала, повалили и обобрали дочиста. Спрятала вешья все его одеяния и драгоценности в свой сундук, спровадила четырех молодчиков, а потом растрепала волосы и выскочила на улицу с громким криком:

— Помогите! Спасите! Убивают! Вор-грабитель забрался в дом!

Прибежали на крик ее стражники, стали спрашивать:

— Кто убивает? Где вор?

Заливаясь слезами, рассказала им вешья, как забрался к ней вор-грабитель, как она еле вырвалась, а грабителя заперла наверху.

Схватили Бирбала стражники и повели в тюрьму, ничего не слушая. Всю ночь просидел он в темнице. А наутро доложили стражники обо всем радже, их начальнику. И не стал тот раджа ни в чем разбираться и приговорил иноземного вора Бирбала к повешению.

Связали Бирбалу руки, надели на ноги кандалы и повели к месту казни за стены города.

По дороге стал Бирбал просить стражников:

— Вам ведь все равно, как идти. Прошу вас, ведите меня по тем улицам, что я скажу. Надо мне перед смертью отдать послед ние распоряжения. Исполните мою просьбу, и я каждому дам по двадцать пять рупий.

Согласились стражники и пошли по тем улицам, которые называл им Бирбал.

И вот остановился он перед домом жадного сетха. Тот увидел стражников, ничего не понял, но Бирбал ему сам объяснил:

— Господин, приговорили меня ни за что к смертной казни. Смерти я не боюсь, а боюсь бесчестья Что ты будешь обо мне думать, если я умру, не вернув тебе долга? Поэтому умоляю: одолжи мне еще тысячу рупий — я тогда откуплюсь и в положенный срок верну тебе весь долг и тысячу рупий с процентами!

— Ах ты негодяй! — завопил в ярости жадный сетх. — Нарядился в богатые одежды, пришел ко мне и обманул меня! А теперь еще просишь тысячу рупий! Пропади ты пропадом и пусть тебя по заслугам повесят!

И он зарыдал от жалости к тем деньгам, которые у него пропали из-за Бирбала.

Тогда повел Бирбал стражников к дому сетха Даярама И сказал он Даяраму

— Видишь, ведут меня на смертную казнь, хоть я и ни в чем не виновен. Смерть такая страшна, но не это меня заботит. Если ты не поможешь мне, пропадут твои деньги, и умру я в бесчестье И об этом скорблю я больше, чем о своей жизни. Но если бы ты еще раз мне поверил, если бы одолжил еще одну тысячу рупий, я бы мог откупиться, спастись и воздать тебе за все сторицей.

Задумался сетх Даярам: «Ясно, деньги, что я ему дал, пропа ли, — рассуждал он с сочувствием, глядя на Бирбала. — Видно, так суждено. Но, похоже, человек он честный и случайно попал в беду. Не о деньгах сейчас надо думать, а о том, как ему помочь!»

Попросил Даярам стражников подождать, посулил им на граду. А сам поспешил во дворец. Пришел он к царю Мурсингху, склонился перед ним и сказал

— Одного чужестранца приговорили к смерти. Он клянется, что невиновен, но его даже не выслушали. Это несправедливо. Рассуди его дело, государь! Если он виноват — накажи, а если нет — отпусти. Без доказательств нельзя обрекать человека на смерть.

Согласился с ним царь Мурсингх, повелел привести Бирбала. Предстал перед ним Бирбал и сказал.

— О великий царь, я посол падишаха Акбара. Вины на мне нет никакой, а все вещи, которые ты потребовал, я могу представить.

— Где же то, что прислал падишах Акбар? — спросил царь Мурсингх. — Я не вижу!

— Повели призвать во дворец скупердяя-сетха, вешью Рупавати и ту злобную вешью, что меня обвинила, и ты все поймешь.

Согласился Мурсингх и велел разыскать и доставить во дворец всех троих. И когда привели их, сказал Бирбал:

— Махараджа, ты потребовал представить себе пять вещей: Зрячего слепца, Честь торговли, Живую жемчужину, Базарную кровать и Путь в преисподнюю. Все они перед тобой.

— Я не вижу! — повторил царь Мурсингх.

— Вот это помешанный на деньгах ростовщик без стыда и без совести, жадный богач, имеет глаза, но не видит, где добро и где зло. Он и есть «Зрячий слепец».

— Продолжай! — приказал царь Мурсингх.

— А вот это сетх Даярам, он и под бедной одеждой разглядел достойного человека, поверил мне на слово, одолжил десять тысяч рупий и еще одну тысячу, чтобы спасти меня от позорной смерти. Он живет по заветам отцов и дедов, и честь для него выше всех богатств. Он и есть «Честь торговли».

— Продолжай, — сказал царь Мурсингх.

— А вот эта вешья Рупавати даже в ремесле своем сохранила доброту и совесть. Всякого мужчину, с кем она договорилась, Рупавати почитает как законного супруга. Терпение ее и кротость беспредельны. Я был груб с ней и ударил ее плетью, но она меня ни в чем не упрекнула, сама просила у меня прощения. Поистине она — «Живая жемчужина».

— Хм, ты прав, — сказал царь Мурсингх.

— Эта же злобная и хитрая вешья обманула и ограбила меня. Я ей дал двойную цену, а она призвала четырех молодчиков, кутила с ними, забавлялась, а потом натравила всех на меня. Они меня свалили, обобрали. Тогда она выскочила из дому и принялась кричать, будто я вор. Пошлите к ней сипаев, и они найдут там все мои одежды. Из-за своей жадности она меня, невинного, отправила на виселицу. Как назову я жадную распутницу и клеветницу? Воистину перед тобою, царь, «Базарная кровать»!

— О, ты хорошо сказал, — молвил царь Мурсингх. — Но я не вижу пятого. — где же «Путь в преисподнюю»?

— Махараджа! — ответил Бирбал. — Если честного человека без суда и следствия приговаривают к смертной казни и в оковах ведут через город на место казни — разве это не «Путь в преисподнюю»? Все, что ты потребовал у падишаха Акбара, я тебе представил. Ты доволен, царь?

— Да, я доволен, — молвил царь Мурсингх. — А теперь воздадим всем должное!

И был посажен Бирбал рядом с грозным царем острова Ланка и награжден за ум и находчивость.

И был назначен великодушный Даярам членом дарбара царя Ланки с пожизненным вознаграждением. И все деньги, что он

одолжил Бирбалу, вернули ему сполна. И был выдан кроткой Рупавати почетный охранный лист и награда.

А жадного сетха лишили богатств и звания. И клеветницу, злобную вешью, лишили всего имущества и сослали в глухую деревню.

Справедлив был суд царя Ланки!

На другой же день он вручил Бирбалу расписку: «Все, что я просил, мной получено. Царь Мурсингх». И с великими почестями проводил он Бирбала на родину.

А на родине, в Дели, с не меньшими почестями встретил его падишах Акбар. И за доблесть и мудрость наградил его высшей наградой.

СОДЕРЖАНИЕ

Яковлев Александр Максимович

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ЗАКОН И ЖИЗНЬ

Редактор В. С. Журавлева
Мл. редактор Н. Ю. Курицына
Худож. редактор М. А. Бабичева
Техн. редактор Н. В. Клецкая
Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 11468

Сдано в набор 16.08.90 Подписано к печати 05.11.90. Формат бумаги $70 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2 Гарнитура обыкновенная Печать высокая Усл. печ л. 2,80. Усл. кр.-отт 2,89. Уч.-изд. л. 3,63. Тираж 101365 экз Заказ 1410. Цена 15 коп. Издательство «Знание» 101835, ГСП, Москва Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 902011
Типография Всесоюзного общества «Знание» Москва Центр, Новая пл д 3/4

15 коп. Индекс 70094

Дорогой читатель!
Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.
Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».
Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в «Каталоге советских газет и журналов» в разделе «Центральные журналы», рубрика «Брошюры издательства «Знание»

ЗНАНИЕ

Наш адрес:
СССР,
Москва,
Центр,
проезд Серова, 4